

Михаил БУЗИК
г. Санкт-Петербург

Часть первая
От Камчатки до Померани

От эмбриона до младенца

Некоторые учёные мужи пытаются убедить нас, обычных смертных, что возраст человека, а значит, и продолжительность жизни следует отсчитывать не с момента рождения, а от момента зачатия. Иные идут ещё дальше – жизнь человека длится не от первого крика младенца и до последнего вздоха умирающего, а простирается гораздо шире. Может быть, может быть... Кто знает, вполне возможно, что мы бессмертны и нет у нас ни начала, ни конца...

Но если иметь в виду наше конкретное, земное существование, возможно, эти учёные (про религиозных деятелей вообще молчу!) стараются доказать неверный отсчёт продолжительности жизни исключительно из гуманистических соображений? В случае победы этой идеи пришлось бы автоматически вводить всеобщий, тотальный запрет на проведение аборт, так как из всего этого вытекает, что аборт – это безусловное убийство. Впрочем, все мировые религии так и считают.

Но данная идея не является темой моих мемуарных записей, а упомянул я об этом лишь для того, чтобы подчеркнуть бесправное положение человеческих эмбрионов на нашей планете и, в частности, в канувшем в Лету Советском Союзе, в котором мне

повезло не только родиться, но и прожить сорок два года из моих более чем шестидесяти.

Итак, я стартовал в эту жизнь – иначе говоря, начал свое эмбриональное развитие – в Ленинграде, где проживали мои прабабушка, дедушка и две бабушки, многочисленные родные и двоюродные дяди, тётки, вскоре после того, как, вернувшись с фронта после победоносно завершившейся войны, папа в декабре 1948 года сочетался законным браком с моей мамой в загсе Дзержинского района. Случилось так, что обе мои бабушки и единственный на тот момент дедушка проживали в одном доме – №26 по Литейному проспекту, только в разных парадных и на разных этажах.

Развивался я нормально, так как мама регулярно посещала женскую консультацию и выполняла все рекомендации врача-гинеколога. В заживляющем глубокие блокадные раны городе к рождению детей относились очень трепетно, и моего появления на свет родные и близкие ждали с нетерпением. Но, как говорится, «всё было хорошо, пока не вмешался генеральный штаб». А вмешался он в моё безмятежное эмбриональное развитие тем, что в начале лета 1949 года принял решение направить моего папу, в то время гвардии лейтенанта Бузика Юрия Владимировича, для дальнейшего прохождения действительной военной службы в Дальневосточный военный округ, а точнее – на Камчатку.

Мой мудрый дедушка предложил решение, которое было единогласно поддержано обеими бабушками: маме остаться в Ленинграде, родить первенца в хорошем роддоме, с нормальными, квалифицированными врачами, дожидаться, пока ребёнок немного окрепнет, и уже потом отправляться к папе на Камчатку. Меня такое предложение бабушки очень даже устраивало, о чём я сообщил маме одобрительными ударами обеих пяток по стенке её живота.

Но моих родителей как моё мнение, так и мнение их собственных родителей мало интересовало. Они заявили, что у них, мол, любовь! Они не хотят надолго разлучаться и потому поедут на Камчатку вместе. Ну, и эмбрион (то есть я) поедет вместе с ними. При полном отсутствии малейшего проявления в семье (в широком смысле) принципов демократического централизма, проигнорировав предупреждения старших членов семьи о грозящей мне смертельной опасности вследствие низкой квалификации работников службы родовспоможения в далёкой стране гейзеров и действующих вулканов, мои родители отправились на Камчатку.

Таким образом, мне суждено было родиться не в героическом Ленинграде, а на заснеженной Камчатке.

Зенитно-артиллерийский полк, где служил папа, дислоцировался вблизи села Елизово.

Елизово, расположенное в тридцати двух километрах от Петропавловска-Камчатского, возникло около 1848 года как село Старый Острог. С 1897 по 1924 год посёлок назывался Завойко, а в 1924 году был переименован в Елизово – в честь командира партизанского отряда Георгия Матвеевича Елизова, погибшего на Камчатке в 1922 году. Удивительно, что в постперестроечный период Елизово, в отличие от Ленинграда, Свердловска, Горького, Калининграда, Куйбышева и многих других городов России, сохранило своё название.

Ныне любознательные граждане могут прочитать в Интернете, что город Елизово и окрестности – один из наиболее благоприятных климатических районов Камчатки и что там с давних пор развито выращивание овощей и ягод, а в последние десятилетия успешно выращиваются и плодовые культуры (яблоня, вишня, слива и другие). Хорошо бы авторов этих строк, утверждающих, что именно «с давних пор», отправить в Елизово конца сороковых – начала пятидесятих годов 20-го века, где из всех фруктов и ягод была только одна картошка, да и та большей частью сушёная.

Накануне моего рождения в Елизовском районе разыгралась сильная метель и единственную дорогу в областной центр замело. Добраться в Петропавловск-Камчатский, где был ближайший роддом,

стало невозможно. А схватки уже начались и не собирались прекращаться. Я настойчиво, несмотря на непогоду, рвался на свет!

Пришлось родителям расплачиваться за то, что не послушали советов старших товарищей. Папа начал искать решение проблемы и вскоре нашёл. Через особиста зенитно-артиллерийского полка он связался с особистом дислоцировавшегося поблизости 53-го смешанного авиационного корпуса, где имелся лазарет. За литр спирта договорились, что в лазарет маму примут, но только пеленки, постельное бельё и прочее необходимо привезти с собой. На каком-то гусеничном вездеходе через глубокие сугробы, под гнусное завывание пурги, маму доставили в лазарет – в лапы войсковых костоправов. Повезло дважды: во-первых, успели вовремя, а во-вторых, роды прошли без осложнений.

Таким образом, родился я ранним утром 25 октября 1949 года нормально доношенным, с живым весом 3600 граммов, в лазарете 53-го смешанного авиационного корпуса, в селе Елизово Елизовского района Камчатской области Хабаровского края в семье офицера Советской армии гвардии старшего лейтенанта Бузика Юрия Владимировича и домохозяйки Бузик (Соколовой) Маргариты Евгеньевны. И хотя в 1975 году село Елизово стало городом, по советским, а затем и по российским законам по месту рождения я так и остался пожизненно сельским парнем.

Кстати, в послевоенной истории СССР и России 1949 год был самым эффективным по количеству рождений: 3 миллиона 89 тысяч человек (30,5 рождений на 1000 человек населения). Только в 1954 году количество рождений ещё раз превысило 3 миллиона (3 млн 48 тыс.), но 1949 год превзойти не удалось до сих пор. И вероятность того, что это когда-нибудь произойдет, ничтожно мала.

Итак, одним из 3 миллионов 89 тысяч новорождённых стал я. Новоиспечённый отец, узнавший по телефону радостную весть, успел это дело отметить по старой русской традиции, а также раздобыть где-то по случаю бутылку молока для мамы первенца, поймать какого-то потенциального самоубийцу на мотоцикле (благо, к утру пурга стихла) и направился в лазарет. Правда, вылезая из коляски мотоцикла, уронил, видимо от счастья, молочную бутылку, и она разбилась. Молодая мать осталась без молока.

Начались суровые будни. В комнате, где проживали мои замечательные молодые родители, было постоянно холодно. Пеленать меня им приходилось под одеялом, при свете фонарика или на ощупь. Может быть, именно с тех пор я так боюсь щекотки?

Полуостров Камчатка район сейсмоопасный, и землетрясения там такое же частое явление, как

летом гроза или зимой пурга. Во время землетрясений, с началом которых начинал раскачиваться абажур под потолком и дребезжала на кухонной полке посуда, мама отработанными до автоматизма движениями быстро заворачивала меня в тёплое одеяло и выбегала на улицу, чтобы в случае обрушения ветхого от старости дома нас случайно не завалило или не покалечило бы какой-нибудь утыканной ржавыми гвоздями доской или куском штукатурки.

Видимо, назло родителям, пожизненно лишившим меня права называться коренным ленинградцем, я выжил. И даже подрос. Несмотря на суровые условия. И не только климатические, но и материальные. Фруктов, например, на Камчатке никто не видел, их туда в то время просто не завозили. Когда мама чистила картошку, я всегда выпрашивал одну и грыз её прямо сырую – как яблоко. Сами же яблоки первый раз я увидел только в трёхлетнем возрасте, когда родители впервые привезли меня в Ленинград, в отпуск.

«Розовое детство»

Первые два с половиной года моей жизни были вполне счастливыми: мама была здорова и практически всегда находилась рядом, надёжно защищая меня от всех жизненных невзгод и природных катаклизмов.

Родители, чтобы скрасить моё одинокое существование, а также для профилактики эгоизма решили сделать меня окончательно счастливым, для чего задумали по случаю «купить» мне сестричку. Или братика. Ну, чтобы абсолютно всем, включая кота Борьку, жилось веселей. С самого начала всё пошло не так, как должно было. Схватки неожиданно начались преждевременно, едва прошли семь месяцев маминой беременности.

А на календаре, как назло, было 1 мая, и вся страна от Камчатки до Бреста активно праздновала Международный день солидарности трудящихся, и потому всем было ни до чего остального. В героическом Бресте наш многонациональный народ ещё только собирался на праздничную демонстрацию, когда маму, в этот раз вполне благополучно, доставили в больницу районного центра села Елизово. Но персонал родильного отделения уже настолько «насолидаризировался» с трудящимися всего прогрессивного человечества, что там уже никого не ждали. От слова – «совсем». Изрядно пьяненькая акушерка, не удосужившись даже вымыть руки, явно не стерильные после длительного застолья, неохотно занялась родовспоможением.

Результат: из двоих родившихся детей, мальчика

и девочки, один ребёнок, мальчик, после полученной в результате безграмотных действий пьяной бабы родовой травмы головы, умер на второй день своей жизни. А мама получила шикарный «букет» болезней: крупозное воспаление лёгких, общее заражение крови и тромбофлебит глубоких вен... Всё, что называется, в одном флаконе. Около трёх месяцев она находилась на границе между жизнью и смертью. А мне было всего два с половиной года, а папа – командир батареи, в которой семьдесят пять человек личного состава. А две бабушки и дедушка – в далёком Ленинграде.

Правда, в гарнизоне существовали детские ясли, но ходить туда я категорически отказывался. Я всё время плакал и звал маму, которая в это время отчаянно боролась с атаковавшими её болезнями. Спасением в этой сложной ситуации стала возможность взять в дом ординарца, который (спасибо товарищу Сталину!) был положен командирам подразделений и частей от командира батареи (роты) и выше. Папа воспользовался этим обстоятельством, и в нашем доме поселился ефрейтор Захарчук.

На плечи ординарца легли не только хлопоты по уходу за мной, но и все домашние обязанности: топить печки, готовить пищу, убирать в квартире. А папа, порой забывая даже поесть, метался между больницей, батареей и домом. Иногда Захарчуку приходилось буквально заставлять его поесть. К счастью, протрезвевшим после Первомай врачам удалось спасти жизнь новорождённой девочке, которую назвали Татьяной, а потом пошла на поправку и мама. После её выписки из больницы Захарчук вернулся в казарму, и жизнь семьи пошла своим чередом.

Мама много времени проводила с сестрёнкой, и я порой чувствовал себя одиноко. Единственным существом, которое скрашивало моё одиночество, был кот Борька, который любил прикорнуть у меня в ногах, а когда не пребывал в объятиях Морфея или не играл со мной – отработывал кормёжку и постой, исправно охотясь на больших серых крыс, в изобилии проживавших в тесном соседстве с нашей семьёй.

Потом папе дали отпуск, и мы отправились в Ленинград. Сначала теплоходом до Владивостока, потом самолётом уже до Ленинграда. В дороге заболела Таня. Родившись семимесячной, массой чуть более полутора килограммов, она была очень слаба и подхватила двустороннее воспаление лёгких.

В Ленинграде сестрёнку сразу же показали врачу, и тот направил её в детскую больницу. Одну. А поскольку она ещё находилась на грудном вскармливании, то маме несколько раз в день на больных ногах нужно было ходить в больницу и кормить её.

Видя мамины мучения, дедушка, надев украшенную орденами и медалями полковничью форму, спешно отправился в это злодейское лечебное учреждение и добился, чтобы маму положили вместе с Татьяной, а также чтобы лечащим врачом у неё стал известный профессор-педиатр. Татьяну лечили долго. Так долго, что, пока она лежала в больнице, отпуск у папы окончился и он один вернулся на Камчатку. Служба! А мы с мамой остались в Ленинграде, у дедушки и бабушек.

Где-то в самом начале весны взрослые вдруг посуровели, заохали, заахали. Со второго на пятый этаж прибежала бабушка Наташа. Женщины что-то тихо обсуждали и плакали.

Уже много позже я узнал, что в тот мартовский день скончался И.В. Сталин.

А тогда я беззаботно сидел на подоконнике и с пятого этажа смотрел вниз, где по Литейному проспекту проезжали различные машины, автобусы, троллейбусы и трамваи. Смотреть на них я мог как угодно долго. Пока не позовут взрослые. С высоты разнообразный городской транспорт казался маленьким, почти игрушечным. Особенно любопытно было наблюдать за искрами, которые иногда снопами вылетали из-под токоприёмников трамваев и напоминали мне бенгальский огонь. Это было красиво и в моём сознании связывалось с Новым годом.

Татьяна поправлялась медленно и окончательно окрепла только летом. Тогда мама взяла билет на боковую полку в плацкартном вагоне (других не было) до Владивостока (конечной станции Транссибирской магистрали), и мы отправились на Камчатку. Во Владивостоке сели на теплоход, который прежде назывался «Кордильера», но после того, как СССР освободил его от немецко-фашистского рабства, был переименован в «Русь». Путешествие было длительным. Даже сейчас, при современных судах, оно занимает от пяти до семи суток, а тогда мы шли морем более недели. Погода в море была штормовая. Маму укачало, а Татьяна и по суше-то ходила ещё неуверенно. Потому они обе всё время лежали. Пришлось мне взять заботу о них на себя. Мама дала мне маленькую алюминиевую кастрюльку, и я отправился на камбуз за манной кашей для сестрёнки. Кок, большой и грозный, в белоснежном колпаке, строго глядя сверху вниз, спросил меня, почему мама сама не придёт за едой, и я ему объяснил, что маме плохо от качки, и тогда кашу мне выдали и в дальнейшем уже ни о чём не спрашивали.

В Петропавловске-Камчатском нас встречал папа. Но больше всего мне запомнился военный духовой оркестр, которым по тамошней традиции провожали и встречали каждый теплоход с материка. Я стоял на палубе, держась за леер, и смотрел вниз, где

на причале одетые в красивую военную форму музыканты исполняли военные марши. Больше всех мне понравился дирижёр. Я сразу понял, что он – самый главный. Только одно мне было не ясно: как ему удаётся одним только резким движением руки извлекать глухой, но короткий по продолжительности звук из воздуха? И этим он буквально очаровал меня. Большой барабан, в который колотил один из музыкантов, извлекая тот самый громкий и загадочный звук, я как-то и не заметил...

Знакомство со спиртным

Мне не было и пяти, когда я впервые попробовал спиртное. А дело было так. В суровые послевоенные годы Камчатский полуостров обеспечивался продовольствием главным образом морским транспортом. Понятно, что каждый килограмм груза требовал дополнительных транспортных затрат. При поставках спиртного снабженцы рассуждали просто: зачем возить на полуостров водку, если дешевле возить спирт, который потребители сами смогут разбавить водой до нужной кондиции. А посему водки в магазинах не было. Только чистый спирт.

И вот как-то раз офицеры и члены их семей весело гуляли по какому-то поводу. Компания уже спела не одну разудалую песню, когда я подошёл к маме и сообщил, что хочу пить.

Вставать из-за стола очень не хотелось, потому мама отправила сына на кухню: «Иди попей сам! Там на кухне в кружке вода». И я послушно отправился на кухню, взял со стола кружку. Правда, хлебнуть, к счастью, успел совсем немного. Первый же глоток обжёг горло, перехватил дыхание. Силился позвать на помощь, но не мог. По щекам не текли – водопадом лились слёзы. Судорожно глотая воздух, наконец-то обрёл голос и истошно завопил. На крик прибежали испуганные взрослые. Одни начали разбираться, кто оставил на столе кружку с неразведённым спиртом, другие оказывали первую помощь ребёнку, получившему не только физическую, но и моральную травму, кто-то отпаивал водой, а кто-то, видимо с учётом богатого личного опыта, предлагал закусить. Видя, что опасность миновала, они, на нервной, наверное, почве, даже развеселились. Всем стало весело. Кроме меня. И чем громче смеялись взрослые, тем сильнее я плакал. Мне казалось, они специально подсунули эту страшную огненную воду, а теперь, когда мне так плохо, смеются.

Этот случай стал одним из наиболее ярких воспоминаний, относящихся к периоду «розового детства».

Прощание с Камчаткой

В 1954 году пятилетний срок папиной службы на Камчатке полностью истёк, и мы стали собираться на материк. Сборы были недолгими, так как вещей у нас было немного. Вся неказистая, даже по тем временам, мебель была снабжена инвентарными номерами и принадлежала не нам, а воинской части. Только детские кровати были нашими, но и они, по доброй камчатской традиции, как переходящий приз передавались друзьям-сослуживцам из рук в руки.

В Авачинскую бухту, где был морской порт, нас привёз армейский грузовик. Мы с мамой и Таней сидели в кабине, и я внимательно смотрел на дорогу, в стороне от которой хорошо была видна Авачинская сопка, над заснеженной вершиной которой поднимался дым. В кабине было тепло, приятно пахло бензином, и я был непомерно горд от того, что еду в кабине настоящей военной машины.

Поскольку двух папиных рук для перетаскивания наших вещей было явно недостаточно, нас провозжали два солдата с батареей, которой командовал папа. Они помогли нам подняться по крутому трапу на теплоход и занесли вещи в каюту. Наступила минута прощания. Папа что-то говорил солдатам, жал им руки. Я, глядя снизу вверх, вдруг увидел, что оба солдата, эти взрослые дяди, к тому же ещё и военные, плачут. Это ещё один эпизод, который запал в мою детскую память на всю оставшуюся жизнь, хотя значение его я смог оценить намного позже.

Из Владивостока мы летели самолётом военно-транспортной авиации до Куйбышева. Там жили несколько дней. А в итоге оказались в Луге, небольшом городке Ленинградской области в ста тридцати километрах от Ленинграда. В Луге папа прослужил что-то около года на 33-м артиллерийском полигоне, пока не получил назначение в Эстонию. Лужский период в моей памяти просматривается смутно. Помню только, что там я болел воспалением лёгких и ко мне регулярно приходила медицинская сестра – делала уколы, которые я мужественно переносил и даже не плакал.

Эстония

Мотострелковый полк, где зенитно-артиллерийской батареей стал командовать папа, располагался в закрытом военном городке неподалёку от мызы Вана-Нурси (хутор из нескольких хозяйств, где жили угрюмые и неприветливые эстонцы).

В Эстонии у меня появились первые обязаннос-

ти в семье: хлеб в наш военный городок привозили на хлебном автофургоне. И не каждый день. Поэтому, гуляя на улице, мы не забывали посматривать на дорогу, ведущую в наш городок от шоссе. Как только появлялась приметная старенькая полуторка, мы с криками: «Хлебка, хлебка!», обгоняя друг друга, мчались к магазину и занимали очередь. На наши крики мамы выходили из домов и ускоренным шагом шли к магазину, где принимали очередь от своих чад. Я терпеливо ждал, когда мама купит хлеб и другие продукты, и по мере своих сил помогал отнести их домой.

Семьи офицерского состава жили в деревянных одноэтажных домиках, где с каждой из сторон была одна квартира, включающая две комнаты и кухню. Почему-то в народе эти домики назывались «финскими». Все удобства были на улице, отопление печное, дровами, а пищу готовили на керогазе или керосинке. Но главным достоинством военного городка был свежий воздух! За этим к нам часто приезжали из Ленинграда бабушка с бабушкой Олей и бабушка Наташа.

В 1955 году, в возрасте шести лет, я дебютировал на большой сцене. В преддверии праздника Великого Октября в полковом клубе, как обычно, состоялся большой концерт художественной самодеятельности. Сначала выступал хор, в котором пели все жены офицеров и сверхсрочнослужащих, в том числе и моя мама. Потом шли различные номера: пляски, сольное пение, дуэты, декламация, интермедии и т.д. Не помню, кто меня сосватал в программу, но я, дошкольник, должен был читать большое и серьёзное стихотворение Сергея Михалкова «В музее В.И.Ленина», которое потом учили в школе: «В воскресный день с сестрой моей мы вышли со двора. «Я поведу тебя в музей», – сказала мне сестра...» Кто из бывших советских детей не помнит хотя бы первые строчки этого стихотворения?! Видимо, и я помнил, и неплохо декламировал, иначе не попал бы в программу концерта.

Но случился конфуз. Выйдя на большую сцену и увидев переполненный зрительный зал, все взоры которого были устремлены на меня, я испытал такой ужас, что забыл все слова. Напрочь. Молчал, переминаясь с ноги на ногу, пауза затягивалась, и тут услышал из-за кулис властный голос конферансье: «Читай! Читай!» Что делать? И с испугу я прочёл «на автомате»: «Идёт бычок, качается, вздыхает на ходу. Вот доска кончается – сейчас я упаду!»

После этого я, как учили, поклонился и скорым шагом покинул сцену. Дебют оказался провальным.

Первый раз – в первый класс!

Летом мы с мамой поехали в город Выру – устраиваться в школу. Мама предъявила мои документы, и меня без проблем зачислили в первый класс. После этого пошли по магазинам, купили школьную форму, портфель, тетради, карандаши, пенал и прочее для школы.

Итак, 1 сентября 1956 года я пошёл в первый класс русской средней школы города Выру Эстонской ССР. Точнее, не пошёл, а поехал, так как от нашего военного городка до Выру было целых одиннадцать километров. И потому в школу и обратно нас доставляли на большом автобусе, переделанном в дивизионном рембате из грузового американского студебеккера, оставшегося с войны от поставок нам бывшими союзниками по ленд-лизу. По дороге в школу мы обычно все дружно и самозабвенно распевали песни: пионерские, «По долинам и по взгорьям», «Орлёнок», «Песню о Щорсе» и много чего ещё, хорошего и патриотического.

В другом регионе СССР меня в пятьдесят шестом в школу вряд ли бы взяли, так как на 1 сентября мне не исполнилось семи. А в Эстонии – взяли. Таким образом, в 1957 году я успешно окончил первый и осенью пошёл во второй класс, где даже успел начать изучать эстонский язык. И упорно постигал его всю первую четверть.

Впервые – «за кордон»

Едва я успел окончить первую четверть второго класса и уйти на каникулы, как папа сообщил нам, что получил новое назначение: в ГСВГ (Группу советских войск в Германии). Даже проститься с одноклассниками и первой моей учительницей – Марией Дмитриевной, имя и образ которой я храню в памяти всю свою жизнь, возможности я не получил. Родители без меня забрали из Вырусской школы мои документы.

Мы опять сдали на склад заинвентаризованную убогую армейскую мебель, собрали самые личные вещи, а остальное или продали, или просто отдали друзьям. После чего всей семьёй перебрались в Ленинград. Папа, оперативно попросившись со всеми, уехал в Германию, а мы с мамой остались у бабушки и бабушки ждать вызова, который папа должен был прислать с нового места службы.

Вторую четверть, после отшумевшего по всей стране сорокалетия Великого Октября, я начал и закончил в 182-й средней школе города Ленинграда, что на улице Пестеля, рядом со Спасо-Преображенским собором.

В конце декабря мама получила вызов из

ОВИРа. В ближайшем фотоателье мы с мамой и сестрой сфотографировались на заграничный паспорт и сразу же после Нового года отправились к папе в загадочную Германию.

В пограничном Бресте была пересадка, и я с нетерпением стал ждать момента, когда мы пересечём государственную границу СССР с Польшей. Мне казалось, что, как только мы переедем по железнодорожному мосту через пограничную реку Буг, за окном вагона что-то обязательно должно кардинально измениться. Другими должны быть деревья, небо, снег, птицы, дома и даже люди. Но поезд так быстро преодолел мост, что я едва успел заметить пограничные вышки, контрольно-следовую полосу и проволочные заборы. Мелькнул полосатый пограничный столб с польским орлом. За окном поплыла чужая, польская земля. Но в окружающем пейзаже почему-то ничего не изменилось. НИЧЕГО! Я был глубоко разочарован. Тоже мне, заграница называется. Польша меня не впечатлила.

Поезд замедлил ход и вскоре остановился. По вагону прошла проводница: «Пограничная станция Тересполь! Зайдите в купе и приготовьте документы!» Вскоре в вагоне показались польские пограничники. Да, они отличались от наших. В четырёхугольных фуражках-конфедератках, на погонах коричневых шинелей свободного покроя непонятные знаки различия. И хотя они пытались говорить по-русски, очень заметный акцент выдавал в них иностранцев. Я успокоился. Вот она какая, заграница!

Проверка прошла быстро, поляки покинули поезд, и он вновь тронулся, быстро набирая скорость. Какое-то время за окном были видны покрытые снегом поля, но вскоре и их, после коротких сумерек, скрыла опустившаяся на польскую землю ночная мгла. Мама отправила нас с Танькой спать.

Guten Tag, Германия!

Утром мы вновь пересекли государственную границу. На этот раз между Польшей и ГДР. Сначала проверяли поляки, потом – немцы. Я впервые видел живых немцев. Причём в ГДР почти полностью сохранили форму, которую носили солдаты вермахта. Такая преемственность не вызвала у меня уважения. Скорее наоборот.

В Германии, во Франкфурте-на-Одере, нас встречал радостный папа. Правда, в этот раз без оркестра. Немного отдохнув в гостинице, где папа успел показать нам немецкие деньги – марки и пфенниги, мы поели в железнодорожном ресторане (все ж/д рестораны в ГДР назывались одинаково: «Митропа»). Папа чувствовал себя уверенно. Он общался с официантом на немецком!

Во всяком случае, я считал, что на немецком, так как русскими произносимые им слова точно не были. Да и официант его понимал.

Потом, забрав из гостиничного номера свои вещи, мы сели в грохочущий, воняющий угольной гарью, сильно визжащий на поворотах жесткий и очень неудобный немецкий поезд. Очень отдаленно (больше по комфортности) этот поезд напоминал нашу пригородную электричку, но движим был большим дымящим и чадящим паровозом. Мы отправились в часть, где служил папа. За вагонным окном проплывала Германия, которую я тогда воспринимал исключительно как вражескую страну и тайно её люто ненавидел.

Нойвельцов

Третью четверть второго класса я учился в школе военного городка гарнизона советских войск Нойвельцов. Никаких немцев там и близко не было. Основным контингентом Нойвельцовского гарнизона были лётчики. Они были заметны издалека, так как, в отличие от других военных, носили фуражки с голубыми околышами и золотистыми крылышками на тулье, а также голубые петлицы на кителях и шинелях с красивыми эмблемами – парой маленьких золотистых крылышек с пропеллером посередине. Многие лётчики вместо шинелей щеголяли в куртках из тёмно-бурой кожи. В городке были свои магазины, в которых работали русские продавщицы, по улицам ходили русские женщины, на некоторых домах висели вывески и объявления – тоже на русском.

В компании мальчишек я любил бегать к аэродрому и через забор, преграждающий проход посторонним лицам к взлётно-посадочной полосе, заворожённо рассматривал самолёты. В солнечную погоду они ярко блестели плексигласом фонарей и серебром фюзеляжей. В выходные и праздничные дни полётов не было, и потому все самолёты ровными рядами стояли на серых бетонных плитах под бдительной охраной часовых.

Нойвельцовская школа запомнилась тем, что там меня приняли в октябрята, хотя произошло это как-то обыденно. Учительница объявила, что отныне мы все – внучата Ильича, а потому завтра должны прийти в школу с красными звёздами на рукавах, и сообщила, какого размера должна быть звезда. Мама указания учительницы выполнила аккуратно, и на следующий день я явился в школу как комиссар военной поры – с красной звездой. Вот и всё торжество.

Но окончить второй класс в этой школе мне не довелось.

Авиационный полк, аэродром которого прикрывал отдельный зенитно-артиллерийский дивизион, где папа командовал батареей, выводился в Союз. А дивизион, где служил папа, просто-напросто расформировывался. И папа получил новое назначение – командиром батареи в зенитно-артиллерийский полк танковой дивизии.

Нойштрелитц

Полк располагался в городе Нойштрелитц, где я в 1958 году и окончил заключительную, четвёртую, четверть второго класса – в восьмилетней школе №31 гарнизона советских войск. Средних школ в ГСВГ тогда не было. Они появились значительно позже, только в 1969 году.

Так и пошло: первое полугодие третьего класса я учился в небольшой школе на полуострове, носившем название Вустров, где в течение полугода папа проходил переподготовку на каких-то шестимесячных курсах. Там же, на Вустрове, меня приняли в пионеры. Правда, перед этим потрепали нервы. В классе было всего четыре ученика. Троица к началу учебного года, как и положено, уже исполнялось девять лет (пионерский возраст), и их стали готовить к торжественному приёму в пионеры, который был приурочен к Дню Великой Октябрьской социалистической революции. После уроков моих одноклассников оставили учить торжественное обещание: «Вступая в ряды Всесоюзной пионерской организации имени Владимира Ильича Ленина, перед лицом своих товарищей торжественно обещаю горячо любить свою Родину, жить, учиться и бороться, как завещал великий Ленин, как учит Коммунистическая партия...», а мне учительница сказала: «Тебя принимать не будем, тебе ещё нет девяти. Иди домой!»

Было очень обидно, но в школе я сдержался. А дома дал волю слезам. Глядя на мои моральные страдания, папа пообещал поговорить с учительницей. И поговорил. Видимо, «на палочках» он доказал учительнице, что на момент приёма в пионеры мне исполнится полноценных девять лет и повода для моей дискриминации нет. Учительнице не оставалось ничего, кроме как изменить первоначальное решение. К моей огромной радости, 7 ноября при переполненном зрительном зале, на сцене гарнизонного Дома офицеров вместе с остальными одноклассниками меня торжественно приняли в пионеры!

После зимних каникул учёба снова продолжилась в Нойштрелитце.

Понятно, помотало меня в школьные годы изрядно – вслед за папой. Такова, наверное, кочевая судьба всех детей из семей военнослужащих того времени. Четвёртый класс – опять две шко-

лы: №31 в Нойштрелитце и №182 в Ленинграде. Пятый и шестой классы – школа №31, седьмой класс – снова №182, а потом опять №31. Восьмой класс – первая четверть в школе №31 и три последующих – в школе №33 в Фогельзанге, куда папу перевели осенью 1963 года.

Конечно же, основной в эти годы, так сказать – базовой, была школа в Нойштрелитце. В четвёртом классе я впервые принял там участие в школьном спектакле: в пьесе Маршака «Петрушка-иностронец» мне была доверена главная роль, с которой я справился успешно и потому был приглашён в школьный драматический кружок.

В драмкружке я неизменно получал главные роли: в спектакле Аркадия Гайдара «Дым в лесу» играл главного героя – Володьку, в спектаклях Михаила Львовского «Димка в открытом море», «Димка-невидимка» и «Димка и чудо» – Димку. Все спектакли проходили на сцене гарнизонного Дома офицеров в г. Нойштрелитце.

Из игр у мальчишек того времени наиболее популярной была игра в войну. Оружие для этого не приобреталось в магазинах и не мастерилось из подсобного материала, а приносилось нами с городской свалки металлолома. Кроме ржавых винтовок, автоматов и пулемётов, там в изобилии находили и фашистские каски. Всё это «вооружение» с помощью керосина и наждачной бумаги заботливо очищалось нами от ржавчины, красилось и потом использовалось «в боях».

Жизнь в военном городке имела свои особенности. В каждой воинской части был свой клуб, где по выходным крутили кино. У нас, мальчишек, был выбор – в какой клуб пойти и что посмотреть. Иногда нас гоняли, но чаще позволяли проходить в кинозал, и мы располагались прямо на полу перед самым экраном. Сидячие же места закреплялись за ротами и батареями. Если же оставались свободные места, солдаты не возражали против нас.

В летние каникулы мы сами себе придумывали занятия. В хорошую погоду с утра до вечера пропадали на озёрах. В окрестностях военного городка их было целых три. Озеро Циркер, самое большое по площади, располагалось на окраине Нойштрелитца. Именно там, в компании своих друзей, я научился плавать. Два других озера, немецкие названия которых нам были неизвестны, мы называли по месту их расположения: Лесное (находилось в сосновом лесу, километрах в двух от военного городка) и Домо-офицеровское. Столь длинное название объяснялось тем, что на высоком берегу этого озера, в самом городе, в большом старинном здании, располагался гарнизонный Дом офицеров. Озеро было небольшое, но очень глубокое. Дно понижалось так

круто, что буквально в трёх метрах от берега даже взрослый человек уходил под воду с головой. Такая глубина органично вписывалась в легенду о том, что во времена фашистской Германии в здании ДО располагалась школа немецких подводников, а на дне озера якобы до сей поры покоится затопленная нашими войсками при взятии Нойштрелитца подводная лодка, на которой курсанты школы проводили практические занятия.

В Доме офицеров тоже демонстрировались художественные фильмы, куда без билетов уже не пускали. Но для школьников билеты были дешёвые – всего 50 пфеннигов. Причем там не нужно было, как в солдатском клубе, сидеть на полу и слушать пересыпаемые ненормативными лексическими оборотами комментарии бойцов к отдельным эпизодам фильма. Также в Доме офицеров проводились концерты, торжественные мероприятия, смотры художественной самодеятельности, новогодние ёлки и т.д. Там же игрались школьные спектакли. На одном из этажей располагались детская музыкальная школа, бильярдная, столы для настольного тенниса. Прокат стола стоил недорого, и я, чаще всего со своим одноклассником Сашкой Портянченко, ходил туда играть в настольный теннис.

А ещё мы с ребятами любили ходить на стрельбище, и, когда там не было боевой стрельбы, мы собирали пули, из которых дома на газовой плите выплавляли свинец – он потом шел на отливку всяких интересных штуквин с помощью песчаных форм.

Но больше всего я любил ходить на «точку». Нет, это не «точка», где в нынешние времена собираются «жрицы любви». «Точкой» называлась расположенная в полутора километрах от городка оборудованная в инженерном отношении огневая позиция зенитно-артиллерийской батареи, которая находилась на боевом дежурстве. Поскольку мой папа был командиром батареи, то, когда возглавляемая им батарея на месяц заступала на боевое дежурство, я часто приходил на «точку». Там было очень интересно! Солдаты разрешали мне посидеть на местах наводчиков орудия и покрутить механизмы вертикальной и горизонтальной наводки. При вращении механизма горизонтальной наводки пушка вращалась, как карусель! На «точке» солдаты научили меня разбирать и собирать автомат АК-47, заводить АТЛ (артиллерийский тягач легкий). Там я узнал, что такое ПУАЗО (прибор управления артиллерийским зенитным огнем) и что такое СОН (станция орудийной наводки). На «точке» была своя столовая, и иногда меня приглашали там отобедать. Солдатская пища мне, мягко говоря, не слишком нравилась, но ржаной хлеб, выпекаемый хлебозаводом дивизии, шел за деликатес. И компот из сухофруктов, кисель из

брикетов тоже были вкусные, потому что варились тут же, в столовке, и весь положенный сахар честно закладывался в котёл. А ещё на «точке» подвизались собаки! Нет, не породистые караульные, а простые дворняги. Крупные и злобные по отношению к чужим и добрые и ласковые к своим. Я у них быстро стал своим и любил с ними повозиться.

Закалка характера, или Русские не сдаются!

Яучился уже в седьмом классе в Нойштрелитце, когда школу облетела сногшибательная новость: в танковом городке (а мы жили именно там) организуется секция бокса!

Более трёх десятков мальчишек побежали записываться в создаваемую секцию. Я почему-то не очень любил, когда бьют по морде, но сработал присущий большинству стадный инстинкт, и я тоже записался. Возглавлял секцию сержант срочной службы, чемпион Сибири по боксу, перворазрядник Терёшин. Следует отдать должное командованию, кандидатура тренера была подобрана очень удачно. Терёшин был не только хорошим спортсменом, но и хорошим человеком, и воспитателем от бога.

Первые полгода всё шло отлично. Было много общефизической подготовки: мы бегали кроссы, прыгали через скакалку, поднимали штангу, подтягивались на перекладине. Остальное время уходило на разучивание ударов, отработку стойки, приёмов защиты, «бой с тенью» и так далее. Никаких контактов, никакого мордобоя. И вот настал день, когда тренер будничным голосом объявил, что на следующей тренировке начнётся боевая практика, и пояснил: будем работать в парах и проводить бои-спарринги. Не в полную силу, но всё-таки бои!

Объявление тренера было воспринято эмоционально, многие выражали радость по поводу того, что наконец-то займёмся делом. Правда, человек десять-двенадцать на следующую тренировку не пришли. И на последующие тоже. И у всех нашлись какие-то серьёзные причины. Я их прекрасно понимал. Мне тоже не хотелось, чтобы меня били по лицу и по печени. Но больше всего я боялся, что обо мне будут говорить, что я струсил. И я мужественно продолжал ходить на тренировки и получал как по морде лица, так и по печени. Правда, и сам тоже бил и иногда попадал...

Наконец тренер объявил, что через десять дней будут проведены соревнования на первенство школы по боксу. Внешне я солидаризировался с теми, кто изобразил бурную радость по этому поводу, но в душе моей появился неприятный холодок. Стало страшно. Спарринги спаррингами, а

настоящие бои в полную силу как-то не настраивали меня на оптимистический лад.

В спортивном зале мотострелкового полка установили настоящий боксёрский ринг, и несколько спаррингов мы смогли провести на нём. Ещё половина нашей секции под различными предложениями перестала ходить на тренировки. Осталось человек двенадцать-четыренадцать. И тут уж заботливый внутренний голос стал мне настойчиво нащёптывать: «да не ходи ты на эту секцию, побьют ведь». Но я опять испугался прослыть трусом и упорно продолжал ходить.

Мама выделила мне деньги на экипировку, и я купил синие боксёрские трусы с широкой белой резинкой на поясе, синюю майку с белой окантовкой, специальные бинты для рук и высокие белые носки.

В последний момент у меня реально появилась спасительная возможность красиво уклониться от участия в зубодробительных соревнованиях: по результатам взвешивания выяснилось, что я на пять с половиной кило легче ближайшего ко мне по весу соперника, и тренер предложил мне отказаться от участия в боях. При этом меня ещё и провозгласят чемпионом школы в своей весовой категории ввиду отсутствия соперников. Ух, как это было соблазнительно! Но если бы тренер не предложил, а просто объявил свое решение. А так... Короче, я не согласился стать чемпионом без участия в соревнованиях. И за три дня соревнований провёл три боя. Все три – с восьмиклассниками, которые превосходили меня физически. Прежде всего по мышечной массе. Первый бой я проводил против Колотова. С незначительным преимуществом, после довольно продолжительного совещания судей, победу отдали Колотову. При этом я пропустил удар по лицу, из моего выдающегося носа (выдающегося в том смысле, что он выдавался вперед больше, чем у других, и потому попасть по нему не составляло особого труда) сочилась кровь. Но я сумел продолжить бой и продержался до конца.

Дома, увидев окровавленное полотенце, мама стала настойчиво уговаривать, даже требовать, чтобы я прекратил участвовать в соревнованиях. Но – русские не сдаются!

Второй бой, с восьмиклассником Кошаниным, я тоже проиграл по очкам. И вновь принёс домой окровавленное полотенце. За сутки нос просто не успевал зажить.

На третий день соревнований, в присутствии одноклассников и, что немаловажно, одноклассниц (в этом же спортзале занималась секция спортивной гимнастики, и девчонки наблюдали за соревнованиями), в бою с восьмиклассником Якуниным мною наконец-то была одержана долгожданная победа!

На следующий день весь класс поздравлял меня с этой победой, а я был горд, что прошёл все соревнования до конца и не уступил, прежде всего сам себе.

На этом мои занятия боксом прекратились. В носу началось какое-то нагноение, и летом, когда семья проводила в Ленинграде очередной папин отпуск, мама повела меня к ЛОР-врачу. Врач, внимательно осмотрев меня, поинтересовалась, не били ли меня по носу? Не успел я открыть рот, как мама подробно рассказала доктору о моей неудачной спортивной карьере. После чего был объявлен диагноз – трещина в носовой перегородке с искривлением (нос слегка сдвинут в сторону) – и озвучены мои дальнейшие перспективы. Хорошо поставленным голосом врач поведала, что продолжение занятий боксом приведет к необходимости делать операцию по удалению носовой перегородки, после чего я расстанусь со своим «выдающимся» носом, и новый нос у меня будет как у негра – плоский и широкий. На все лицо. Меня подобная перспектива не прельстила. Я никогда не обольщался насчёт своей внешности, но нос негроидного типа на белокожем лице мне показался неуместным, хотя я и не расист. И я под давлением родителей и поддержавших их бабушек и дедушки принял решение расстаться с боксом и остаться, в буквальном смысле, с носом. С тем «выдающимся» носом, каким меня наградила природа и к которому я как-то уже привык.

Быстро пролетели летние каникулы, начался восьмой класс. Секция бокса захирела как-то сама собой. Все бывшие восьмиклассники уехали продолжать учёбу в Союз, а из восьмиклассников нынешних остались только трое: я, Коля Семёнов и Валера Королёв. Ну какая тут секция?

В разведывательном батальоне дивизии (разведбате) одна из рот по штату имела на вооружении мотоциклы. Более того, там базировалась сборная нашей танковой армии по мотоциклетному спорту, в которую входили опытные спортсмены-мотоциклисты, выступавшие на групповых и всеармейских соревнованиях (в те годы в армию призывали с девятнадцати лет, а служили в ней три года).

И вот, чтобы занять чем-то офицерских деток, там неожиданно объявили набор в мотоциклетный кружок. Я, конечно же, записался в числе первых, тем более что разведбат находился буквально в каких-то двух сотнях метров от дома, где мы жили.

На занятиях кружка мы изучали устройство мотоцикла, правила дорожного движения, а в конце октября начались занятия по вождению мотоцикла К-750! Мотоцикл тяжёлого класса, с коляской. Пулемёты с мотоциклов предусмотрительно снимали. Мало ли что...

Вождение мне нравилось больше всего, но счастье моё было недолгим.

Фогельзанг

Как всегда, пришёл домой папа и сообщил, что его переводят в 25-ю тяжёлую танковую дивизию, местом дислокации которой является Фогельзанг.

Засим папа откланялся и уехал к новому месту службы, пожелав нам с Татьяной успехов в учёбе и дав завершить первую четверть в 31-й школе Нойштрелитца. А в осенние каникулы папа приехал за нами на грузовой машине, мы погрузили в неё весь свой нехитрый скарб и переехали в Фогельзанг, где я продолжил учёбу в восьмилетней школе №33. А там самым популярным видом спорта был баскетбол. И я, имея к тому времени рост 185 сантиметров, занялся баскетболом.

В Фогельзанге я, самым последним в классе (опять же из-за возраста), был принят в ряды Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза молодежи, чем очень гордился.

Класс был дружным, встретили меня хорошо, что неудивительно. Все ученики, как и в других школах ГСВГ, были детьми военнослужащих и, как и я, привыкли к переездам родителей и связанной с ними сменой школ. Так что появление в классе новенького не являлось событием вселенского масштаба.

Для проживания папе выделили целый коттедж! На первом этаже были две смежные комнаты, ванная, туалет, кухня и веранда, а на втором – какие-то кладовки и одна маленькая комната (чуть больше вагонного купе по площади). Эту комнатку отвели мне. Я был счастлив, так как это была первая в моей жизни отдельная жилплощадь!

Рядом с нашим коттеджем располагался пруд, где разводили карпов, далее – спортзал и за ним, на окраине леса – свинарник одного из полков. Свинарник был примечателен тем, что при нём обитал конь. Да, настоящий живой конь, на котором возили отходы из солдатской столовой для пропитания свиноматок, хряков и их детей – поросят. У меня возникли дружеские отношения с обслуживающими эту свиноферму солдатами, и в один из выходных дней мне предоставили коня для верховой прогулки по лесу.

Возбраться на пожилого мерина мне помогли солдаты, и я, гордый и счастливый, направил коня на грунтовую дорогу, уходящую в лес. Из всей упряжи на морде коня были только уздечка и повод, который я держал в руках. Седла не было, я сидел непосредственно на спине мерина, и мои ноги свободно свисали вдоль его упитанных боков. Всё шло замечательно: конь спокойно шагал по лесной до-

роге, пели птички (Фогельзанг в переводе с немецкого – птичье пение). Через четверть часа я уже почувствовал себя классным наездником и смело решил прибавить ходу. Но поскольку пришпорить коня из-за отсутствия шпор я не мог, то воспользовался инструкцией, полученной от солдат: покрутил над ухом чинно вышагивающей лошади повод. Реакция коня была удивительно быстрой. От мерного шага он перешёл на бег. Затрудняюсь сказать, что это было: аллюр три креста, рысь, галоп, намёт или ещё что-то, но очень скоро я почувствовал, что сползаю с лошади набок. Натянув повод и закричав «Тпру!», я несколько замедлил ход моего «транспортного средства», но не скорость своего падения. Одновременно с полной остановкой коня я свалился с него на землю. Глаза у немало прожившего мерина были добрые, умные и печальные. Он снисходительно смотрел на меня, и немой вопрос «ну что же ты, дурачок?» читался в этом взгляде. Я взялся за повод и, увидев неподалёку пень, подвёл к нему коня. Взобравшись на пень, я попытался вновь усесться на его широкую и тёплую спину, но это никак мне не удавалось. Конь старался отойти в сторону, и мне после каждой неудачной попытки приходилось вновь подводить его к пню. Наконец животному это надоело и он, как только я слегка ослабил повод, мотнув головой, вырвал его из руки и бодренько потрусил в лес.

На свиарник я возвращался пешком в расстроенных чувствах. А вдруг конь сбежал в лес навсегда? Как я буду объясняться с добрыми солдатами, предоставившими мне возможность прокатиться верхом на лошади? Но, к моей радости, старый мерин как ни в чём не бывало стоял возле корыта и бесосвестно жрал какие-то пищевые отходы. Тогда я понял, что кавалерия – это не моё...

Именно в восьмом классе я принял самое главное в своей жизни решение. Я твёрдо решил, что стану офицером Советской армии. И никем другим! Не было ещё ясности с родом войск, но главное было определено: только военная служба.

Наиболее запомнившимся событием моей фогельзангской жизни стало окончание восьмого класса. По двум причинам.

Причина первая. Прекрасным апрельским утром я в компании Юрки Чувашова и Игоря Люпы шёл в школу. Чудесная погода никак не настраивала на учёбу, и мы после короткого совещания единогласно приняли решение в школу не ходить, а пойти на Хафель. Хафель – это судоходный канал, который протекал через всю Германию, соединяя между собой десятки озёр. У одного из шлюзов проживал пожилой немец, у которого была лодка. Как и большинство пожилых немцев в те годы, он был

участником войны и после её окончания проходил перевоспитание в советских лагерях для военнопленных. Видимо, применяемая в тех лагерях методика перевоспитания была эффективной, поскольку прошедшие через эти лагеря граждане новой Германии, во-первых, очень хорошо относились к русским вообще и к русским детям в частности, а во-вторых, они неплохо знали русский язык. Короче, перевоспитанный немец охотно предоставил нам вёсельную лодку, и мы, счастливые и довольные, отправились в увлекательное путешествие по Хафелю.

Домой я пришёл позже обычного, а на мамин вопрос: «Что так поздно?» ответил, что после уроков мы возле школы играли в волейбол. «Что так лицо у тебя загорело?» – продолжила допрос мама. И этот вопрос меня не смутил: «Так я сижу у окна, а сегодня оно было открыто. Напекло».

На этом, как я решил, всё и закончится. Папы ведь уже несколько недель не было дома. Вместе с полком он был на полигоне на практических стрельбах. Но мама сумела-таки испортить мне настроение, сообщив, что папа приехал, полк выгружается на железнодорожной станции и папа скоро будет дома. Я понял, что попался.

Несмотря на незаконченное педагогическое образование (папа учился уже на пятом курсе Ленинградского пединститута им. Герцена), в моём воспитании он не использовал современных педагогических приёмов, а довольствовался старыми, но хорошо проверенными. Проще говоря, порол меня и в качестве воспитательного средства, как потомственный военный, использовал португую. Не буду подробно описывать эту осуждаемую нынешней демократической общественностью практику, дабы не быть обличённым в пропаганду насилия.

Основные события развернулись на следующий день. Оказывается, наше отсутствие было замечено классной дамой, и не успел прозвенеть звонок на первый урок, как она повела нас всех троих к директору. На вопрос, почему нас не было в школе, мы ответили домашней заготовкой: «Мы были в медсанбате на медицинской комиссии, так как хотим поступать в Суворовское училище».

Не прокатило. Директор школы, опытный мужик, прямо при нас позвонил в медсанбат, где ему сказали, что медкомиссия работает только два дня в неделю и что как раз вчера её и не было. И тогда директор снова начал звонить и вызывать в школу наших отцов.

Отец у Игоря Люпы был не родной. Отчим. И, может быть, именно поэтому его не пороли. А у нас с Юркой отцы были родные. И папин педагогический лозунг был очень старорежимным: «Или убью, или человеком сделаю!» Наверное, он перенял его у деда

Каширина, который подобным образом воспитывал своих внуков, не щадя даже самого Алёшу Пешкова. Правда, второго Горького из меня не получилось.

В общем, вечером нас с Юркой выдрали как сидоровых коз. Чем же примечателен этот случай? Тем, что на этом практика экзекуций в отношении меня прекратилась. Нет, вовсе не потому, что папа перешёл на шестой курс и узнал что-то новое в своём педагогическом институте. А потому, что я вырос. И когда в очередной раз папа замахнулся на меня, чтобы ударить, я перехватил руку и, крепко сжимая его запястье, твёрдо сказал: «Хватит! Больше ты меня бить не будешь!» И в оставшиеся два года моей «домашней» жизни физические наказания были отменены.

Второе запомнившееся событие – прощание с детством. После выпускного вечера командование дивизии организовало для нас трёхдневную экскурсионную поездку в Дрезден. Были выделены два автобуса «Прогресс», и по автобану (автострада по-нашему) мы отправились в этот, тогда ещё полуразрушенный войной, город. Никакой другой город Германии не подвергался таким жестоким бомбардировкам, как Дрезден. Наши славные «союзники», уничтожая мирное население этого старинного города, скорее всего старались запугать (на будущее) нас, демонстрируя мощь своей авиации. В 1964 году, почти через два десятилетия после окончания войны, в Дрездене не было ни одной целой улицы. Разрушенные стены домов с пустыми глазницами окон, с торчащей ржавой арматурой вызывали жалость.

За два дня мы посетили знаменитую Дрезденскую галерею, Музей санитарии и гигиены, Музей железнодорожного транспорта, Музей фарфора, Городской парк, ещё что-то. Две ночи мы ночевали в небольшой гостинице при военной комендатуре дрезденского гарнизона, занимая несколько больших комнат по несколько человек в каждой. Подолгу не засыпали, что-то бурно обсуждали, кричали и визжали, дрались подушками. Это уходило наше детство. Нам всем предстояло расстаться – практически навсегда. Кого-то отправляли в Союз в интернат, кого-то к родственникам, кто-то поступал в средние учебные заведения.

Меня же после окончания восьмого класса папа, который ехал на очередную летнюю сессию в свой пединститут, отвёз в Ленинград и оставил там для продолжения учёбы у бабушки Наталии Владимировны, дяди Владимира Владимировича и тётки Елены Илларионовны Бузик.

Так закончились мои многолетние скитания по военным городкам.

Сиротско-ленинградский период

По Сергею Ивановичу Ожегову, сирота – это несовершеннолетний, у которого умер один или оба родителя. Мои, слава богу, были живы. Но находились от меня через две государственные границы, за тысячи километров. Даже позвонить не было возможности. Чем моё положение отличалось от сиротского? Бабушка Наташа меня очень любила и заботилась. Но родителей-то рядом не было.

Большую часть лета я занимался тем, что осваивал игру на семиструнной гитаре. Несколько аккордов мне показал дядя Володя (папин старший брат), а дедушка, Евгений Фёдорович Соколов, тоже игравший на семиструнной гитаре, научил исполнять маленькую музыкальную пьесу. В июле семья Бузиков переехала с Литейного проспекта, где прожила почти двадцать лет, в новенькую отдельную трёхкомнатную квартиру в «хрущёвке» на улице Костюшко. Таким образом, я оказался в Московском районе. Чем мог, я помогал бабушке и дяде с тёткой: вешал люстры, бра, зеркала и полки, врезал замок во входную дверь, установил вентилятор на кухне и сделал ещё много разных мелких, но необходимых дел. Ходил в магазин за продуктами.

Все считали меня достаточно взрослым и самостоятельным, поэтому устраиваться в школу я должен был сам. Прихватив своё школьное личное дело, аттестат о восьмилетнем образовании, я отправился в РОНО Московского района Ленинграда, где мне выдали направление в школу, которая была расположена за Московскими воротами. Это очень далеко от улицы Костюшко, где обживали только что полученную квартиру Бузики. В Московском районе было много школ, расположенных гораздо ближе, но разве я мог спорить с большими дядями и тётками? Что дали, то дали.

С направлением из РОНО я отправился в школу, где собирался учиться. Но на выходе из школы, прямо в вестибюле, меня встретила разнокалиберная группа подростков численностью более десяти человек и, не тратя время на прелюдию, просто-напросто меня избил. К счастью, до начала избивания я стал спиной к стене, и, наверное, это позволило мне не упасть, но помутнение сознания было. Когда застывший глаза туман рассеялся, я увидел своих обидчиков, которые что-то мне говорили, а потом вложили в руку листок с направлением на медкомиссию, который я получил минутами ранее в канцелярии школы, и, выведя на крыльцо, пожелали счастливого пути.

Добравшись до ближайшего туалета я как мог привёл себя в порядок, смыв кровь с разбитого ли-

ца и одежды, и вернулся на Костюшко. Желание учиться у меня пропало. Надолго. А учиться в этой школе – навсегда. Даже номер этой поганой школы моя память не сохранила. Наверное, выбили.

1 сентября, наряженные и наглаженные, с букетами и портфелями, со счастливыми улыбками на загорелых лицах, все советские дети дружно пошли в школу. Все, кроме меня. Я лежал на диване, ощупывал покрытое лилово-жёлтыми синяками лицо, вспоминал находящуюся за тысячи километров от Ленинграда семью и проклинал свою нелегкую сиротскую долю.

Через пару дней Елена Илларионовна Бузик, или просто тётя Ляля, взяла отгул на работе и солнечным осенним утром вместе с племянником отправилась в РОНО Московского района.

Довольно быстро она оказалась в кабинете какого-то чиновника от образования и изложила ему суть проблемы. В качестве доказательств были предъявлены успевшие пожелтеть следы побоев на моём лице и выданный в школе бланк со следами моей же крови. Несмотря на очевидные улики, с головой изобличавшие хулиганов, рововский дядечка начал выстраивать свою версию происшествия: я наверняка, и в этом он был глубоко убежден, пристал к какой-нибудь девочке, а хорошо воспитанные местные мальчики просто заступились за объект моих откровенных домогательств. То есть – я сам виноват. А потому я должен отправляться в ту школу, куда направили, так как в других школах мест нет. Тяга детей Московского района к знаниям так велика, что все средние школы переполнены.

Но тётя Ляля не для того отпрашивалась с работы, чтобы уйти ни с чем. Разгорелась полемика по поводу будущего места учёбы племянника, в ходе которой ни одна из сторон не желала уступить. И тогда тётя Ляля достала из рукава последний козырь: «Если вы не хотите решить мой вопрос, то я обращаюсь в соседнее здание. Может быть, там меня поймут и помогут». А в соседнем здании, на которое очень толсто намекнула тётя Ляля, располагался Московский районный комитет КПСС. Видимо, дядечке это было хорошо известно, потому что он как-то очень быстро сник и со словами: «Ну зачем вы так?» написал бумажку-направление в другую школу.

Школа для «ненормальных»

Несколько позже выяснилось, что тёти Лялина победа была пиррова. Вместо того чтобы дать направление в обычную школу, дядечка из РОНО направил меня в школу для «ненормальных». Если

за норму считать способности, присущие подавляющему большинству учеников, то любое отклонение в ту или иную сторону от нормы – ненормально. Если бы он направил меня в школу для умственно отсталых (сейчас говорят – «корректирующую»), то я бы там, несомненно, стал круглым отличником. Но моей новой школой оказалась 366-я образцово-показательная, физико-математическая средняя школа Московского района. Там меня встретили хорошо. В том смысле, что никто ни разу не избил и даже не обругал. Но название «физико-математическая» оказалось далеко не пустым звуком. Эти дисциплины изучались там по специальным программам, включавшим в себя уже с первой четверти элементы высшей математики из программы технических вузов. В этой странной школе не было классов с первого по восьмой. Только девятые, десятые и одиннадцатые. Количество классов было непривычно большим. Меня направили в 9«к» класс, который не был последним, так как были еще и 9«л» и 9«м» классы. Учениками школа комплектовалась из выпускников восьмых классов всех районов города. В неё отбирались имеющие математические способности, призёры городских олимпиад по физике и математике, участвующие в занятиях математических кружков. И вот в такое окружение попал я, у которого по алгебре за восьмой класс была твёрдая тройка с плюсом. Нет, я не был слабым учеником, и тройка по алгебре была чуть ли не единственной, но математическими способностями я точно не блистал и в обычной школе. Мне легко давались гуманитарные дисциплины, а из точных я любил и хорошо знал геометрию, неполохо разбирался в физике, но алгебра...

В этой заумной школе у учащихся не было даже дневников. Вместо них выдавались зачётные книжки, где на каждый предмет отводилось несколько страниц, на которых фиксировалась текущая успеваемость. Итоговые оценки выводились не за четверть, а за полугодие. Кроме того, как и во всех средних школах СССР того времени, в 366-й существовало производственное обучение. Один день в неделю был отведён исключительно под производственную практику, где без различия по полу все учащиеся овладевали профессией токаря. А ещё, как и все школьники того времени, по воскресеньям учащиеся выезжали на природу, где занимались уборкой картофеля. Свой пятнадцатый день рождения, который пришёлся на воскресенье, я встретил на картофельном поле.

А ещё я записался в секцию баскетбола, регулярно посещал тренировки и был включён в сборную школы по баскетболу, в основном составе которой выступал на первенстве Московского района Ле-

нинграда. Попасты в сборную этой школы было не сложно, так как большинство физиков-математиков были слабо развиты в физическом отношении. Словом, «ботаники».

Я сумел отличиться по литературе. Моё сочинение было зачитано перед всем классом, учительница объявила его лучшим, поставила пятёрку. Потом, уже наедине, попросила переписать сочинение начисто, так как в нём было две ошибки, и сказала, что оставит его в школе в качестве образца, как нужно писать сочинения. Конечно, это было приятно, но не ново. Я и раньше отлично писал сочинения и удостоивался публичных похвал от учителей, но школа-то была физико-математической. По физике и математике к началу ноября у меня были одинаковые результаты. Стабильность – признак мастерства. Но это в спорте. А в школе по каждому из этих предметов я имел по четыре двойки!

И ещё одну двойку я имел по немецкому языку. А подвела меня слепая вера в науку. В свой сиротско-ленинградский период я не забывал и дедушку с бабушкой, которые по-прежнему проживали на Литейном. Дедушка выписывал журнал «Наука и жизнь», и в одном из номеров я прочитал жутко интересную статью об успехах отечественных учёных в области обучения во сне. Поэтому, когда я получил на дом задание выучить басню «Гусь и Соловей» на немецком языке, то долго не напрягал свою память, а просто трижды подряд записал её на магнитофон и проинструктировал тётю Лялю, которая работала во вторую смену, что нужно сделать. Тётушка выполнила всё так, как я её просил. Однако у магнитофона «Альдас» было клавишное управление, и когда с грохотом включилось воспроизведение, я проснулся. Трёх прослушиваний мне хватило как раз на двойку... С тех пор моя вера в науку была несколько подорвана, и опыты обучения во сне были прекращены навсегда.

Избавление от школы для «шибко умных» пришло неожиданно. В первых числах ноября вся наша семья появилась на Костюшко, так как папа получил очередное новое назначение – в город Сортавалу Карельской Автономной Советской Социалистической республики.

Что меня ждало за очередным поворотом?

Часть вторая «Долго будет Карелия сниться»

Сортавала

В Сортавале я вышел на финишную прямую школьного марафона.

Поначалу Сортавала нас не впечатлила. С ноябрьского неба, затянутого непроницаемыми серыми облаками, уныло и нудно лил дождь. И вообще всё вокруг было серо, сыро и слякотно. Да нам было и не до красот – нужно было обустроиваться на новом месте. У папы имелся адрес, где нам предоставили жильё, и вскоре мы оказались на улице Горького, в квартире с двумя небольшими комнатами, маленькой кухней и с печным отоплением.

В последующие два дня наша необъятная страна активно и «всенародно» праздновала очередную годовщину Великого Октября, и по этому случаю мы всем семейством отправились на прогулку – знакомиться с городом, тем более что дождь наконец прекратился.

Впервые мне предстояло жить не в закрытом военном городке, как в предыдущие 15 лет, а в городе. Пусть и в небольшом, но городе, где были нормальные магазины, несколько школ, три техникума, где вместо парков с боевой техникой, откуда нас постоянно гонял суточный наряд, был большой живописный городской парк, а вместо солдатских клубов – гарнизонный Дом офицеров и два кинотеатра: «Заря» и «Родина». Здорово!

Да и сам город при хорошей погоде показался довольно симпатичным. С интересом мы всматривались в фасады домов в центральной части города, отличавшихся по архитектурному стилю не только от родных, ленинградских, но и от немецких домов, которых мы повидали предостаточно, пытались понять смысл вывесок на непонятном (финском) языке на магазинах, столовых и административных зданиях. Эти вывески были тем более удивительными, что за всё время наших довольно продолжительных прогулок мы ни разу не услышали чужой речи. Вокруг все говорили на «великом и могучем», что радовало.

Девятый класс

После окончания коротких осенних каникул в сопровождении мамы я пошёл устраиваться в 1-ю среднюю школу города Сортавалы. В отличие от Ленинграда, всё прошло легко и быстро. И чему я больше всего обрадовался, так это тому, что никто не спросил меня о зачётной книжке, которую ну очень не хотелось показывать. Определили меня в

9«б» класс. И этот класс, и эта школа стали последними в моей школьной жизни. В этой школе у меня появились друзья, с которыми я не терял связь и поддерживал отношения всю свою жизнь.

Занимались девятые классы во вторую смену, и потому, сдав в канцелярию документы, я сразу же пошёл на уроки. Когда прозвенел последний звонок и все стали собираться домой, меня кто-то спросил, где я живу. Выяснилось, что мне по пути с двумя ребятами: Лёвой Гольденбергом и Юрой Кожиним.

Весь путь от школы до дома прошёл в оживлённой беседе. Правда, хотя я далеко не молчун, говорить мне практически не пришлось. Большую часть пути к дому солировал мой новый одноклассник Юра Кожин.

Перескакивая с одной темы на другую, он говорил и говорил, не очень интересуясь мнением собеседников. И этим мне не понравился. Я не мог тогда предположить, что пройдет совсем немного времени, и Юрка, или, как его называли в классе – Кожа, станет не только моим лучшим школьным другом, но и останется им на всю жизнь. Как и Лёвка, первое впечатление о котором было очень хорошим. Спокойный, аккуратный мальчик из приличной, интеллигентной семьи, с прекрасным чувством юмора и музыкальным образованием, умеющий не только говорить, но и слушать. А последнее очень важно для общения.

Попав в школу для нормальных детей, от которых не требовались какие-то особые способности в освоении точных наук, я очень быстро освоился в новом классе и стал своим. На занятиях стал получать хорошие оценки.

В нашей школе, как и во всех школах СССР того времени, осуществлялось производственное обучение: все мальчики 9«б» овладевали профессиями шофёров 3 класса и автослесарей, а девочки – швей-мотористок. Один день в неделю мы не приходили в школу, а собирались в полуподвальном помещении рядом с автобазой, где изучали устройство автомобиля и правила дорожного движения. В ленинградской школе я учился на токаря, но тут быстро догнал своих новых одноклассников, поскольку память моя хорошо сохранила знания, полученные в восьмом классе в мотоциклетном кружке дивизионного разведбата. Все двигатели внутреннего сгорания работают по одним физическим законам.

Из Северной столицы в Сортавалу я привёз популярную среди будущих токарей-математиков из «ненормальной» школы командную настольную игру «Доп-Доп». Ребятам «Доп-Доп» понравилась настолько, что они уже не могли ограничиваться перерывами между занятиями на практике и стали

заполнять ею перемены в школе в обычные учебные дни. Это была сугубо мужская игра, требовавшая физической силы, ума, наблюдательности, спортивной наглости и ряда других качеств, которыми мы обладали сполна. Девочки в эту игру, понятно, не играли. Однако некоторые из них стояли рядом и наблюдали за увлекательным спортивным поединком, другие же презрительно поджимали губы и выходили на перемену из класса.

Закончилось всё тем, что учительский стол (судя по его виду, переживший не только финскую оккупацию, но и Первую мировую войну) не выдержал многочисленных мощных ударов по столешнице крепких рук добрых молодцев и однажды развалился. Его стройные ножки неожиданно подломились, и он, саморазобравшись на составные части, полностью утратил свои потребительские качества. В аккурат перед уроком физики. Кое-как стол до звонка на урок под дружное хихиканье класса установили вертикально и возбуждённо-радостно затихли на своих местах в ожидании Василия Максимовича Винниченко (за глаза – Васи-Маси). Физик вошёл в класс и, не дойдя до стола-ветерана, небрежным, но точно выверенным движением бросил классный журнал на смертельно раненную школьную мебель. В результате давления классного журнала проекция центра тяжести стола начала стремительно перемещаться и вышла за площадь опоры. Повинуясь объективно существующим законам физики, стол с грохотом рухнул. А класс зашёлся в приступе безудержного смеха... Позже специально обученные люди стол отремонтировали, а игра в «Доп-Доп» в классе прекратилась.

Всё шло хорошо, но гром с ясного неба неожиданно грянул перед приближающимся Новым 1965 годом, когда классный руководитель 9«б», учитель истории Иван Семёнович Иванов, спросил, есть ли у меня оценки из ленинградской школы? Я не стал врать (от этой нехорошей привычки папа, применив радикальные средства, избавил меня ещё в раннем детстве, за что я ему очень благодарен) и ответил честно что есть. Ну, тогда принеси их в школу, сказал учитель.

Вернувшись домой, я заявил родителям, что в школу больше не пойду, а буду устраиваться на работу (в пятнадцать лет это уже допускалось трудом законодательством).

Но папа решительно не согласился с моими творческими планами и на этот раз сам, прихватив мою злосчастную зачётную книжку, пошёл в школу на встречу с классным руководителем. Классный руководитель Иван Семёнович Иванов был не только классным руководителем, но и классным человеком. Переговоры прошли в конструктивном ключе.

До сведения педагога была доведена информация о моей сиротской доле в Ленинграде, о суровых требованиях 366-й школы «для ненормальных», и до слёз расчувствовавшийся Иван Семёнович принял решение, устроившее всех: оценки по физике и математике с этого момента официально считаются безнадежно утраченными, а по остальным предметам будут доведены до сведения учителей.

Вечером того же дня результаты переговоров «на высшем уровне» дошли до меня, и мои планы по трудоустройству были благополучно похоронены – учёба в школе продолжилась. А вскоре меня на альтернативной основе избрали старостой класса. В комсомольские руководящие органы я не избирался, а вот по административной линии неожиданно попёрло – сразу стал старостой класса. Удивительным было то, как же всю первую четверть и начало второй класс обошелся без старосты? Правда, Лёвка утверждает, что в начале учебного года старостой был избран Володя Козлов, чьё назначение Кожа прокомментировал как избрание «козла отпущения». Володя был умным, скромным и малоразговорчивым парнем. Видимо, его кандидатура перестала устраивать Семёныча и роль «козла отпущения» он, умело манипулируя общественным сознанием руководимого им класса, решил отвести мне.

Учёба девятых классов, а их в школе было четыре, проходила во вторую смену, так что свободного времени практически не было. На общение с друзьями оставалось только воскресенье. У Лёвки был настольный футбол, и они с братом Мишкой часто устраивали турниры, принять участие в которых было предложено и мне, особенно с учётом того, что и у меня был точно такой же настольный футбол. Появилась возможность проводить двухкруговые турниры, которые включали игры как на своём поле («своё поле» я приносил с собой в квартиру Гольденбергов), так и на поле соперника. Эти футбольные сражения продолжались до тех пор, пока нас не разогнали родители.

Ещё до Нового года я успел испортить отношения с физиком Васей-Масей. В тот день мой сосед по парте Женя Козлов не пришёл в школу. На освободившееся место (а мы с Женькой сидели на последней парте возле стены) я на перемене принёс из гардероба и, аккуратно свернув, положил своё пальто. Сделал я это, чтобы уберечь свою самую верхнюю одежду от варваров, которые чуть ли не каждый день в ключья рвали вешалки своим товарищам.

Лежало себе моё пальтишко и лежало. Тихо так лежало и никому не мешало. Уроки подходили к концу, оставалась одна физика. Тут и произошёл конфликт. Васе-Масе моё пальто чем-то не понравилось, и он потребовал, чтобы я отнёс его в гардероб. Я

вежливо объяснил, что там обрывают вешалки, а здесь, в классе, оно никому не мешает. Но учитель закусил удила и стоял на своём, требуя, чтобы я немедленно отнёс пальто. И тогда я, собрав свои вещи и прихватив злополучное пальто, торжественно произнес на прощание: «Прогоняя моё пальто, вы прогоняете меня!», покинул класс. Отношения с Васей-Масей были безнадежно испорчены. Несмотря на то, что в физике я неплохо разбирался, итоговая оценка по этому предмету была выставлена в аттестат задолго до государственного экзамена.

Отношения с Юркой и Лёвкой крепли и постепенно превратились в дружбу.

Однажды, придя ко мне домой, Кожа увидел коробку с шахматами, и глаза его загорелись азартным блеском. Он предложил сыграть. Я не очень любил шахматы, редко и весьма посредственно в них играл, но отказываться не стал. Сработал закон гостеприимства. Расставили фигуры, и игра началась. Видимо из-за того, что обдумывая очередной ход, я старательно делал умное лицо и при этом не использовал названия фигур, часто употребляемые новичками и дилетантами (королева, тура, офицер), Юрка ошибочно принял меня за достойного соперника. И стал глубоко задумываться, вспоминая шахматную теорию. Я же, не будучи знаком с теорией древнейшей игры, «ходил» так, как диктовала обстановка на доске. И неожиданно для самого себя выиграл. Юрка очень расстроился и тут же предложил сыграть ещё. И опять я выиграл. И тогда Кожа вскипел и стал мне выговаривать, что я неправильно играю, делаю нелогичные ходы и т.д. и т.п. Он скороговоркой сыпал незнакомыми мне шахматными терминами, из которых мне, в основном по «Двенадцати стульям», был известен только «дебют» и «эндшпиль». Оказывается, он разыгрывал какую-то иностранную партию, какой-то там гамбит, а я, дрянная такая, своими неправильными ходами ему всё испортил. И поэтому он проиграл. После этого мы с ним ещё не раз играли в шахматы, и больше мне, несмотря на все старания, выиграть у него не удавалось. А затем я и вовсе перестал его интересоваться как партнёра по шахматам. Оказывается, он ходил в какой-то шахматный клуб и там доигрался до какого-то разряда. А меня папа научил играть в шахматы ещё в дошкольном возрасте, но я к этой игре как-то не прикипел. То ли дело с Лёвкой играть в настольный футбол!

Бывал в нашем доме и другой мой одноклассник-шахматист – Толя Хусу. И с ним мне тоже пришлось играть. Не знаю, может, он хуже Юрки знал теорию, но у Хусика я не выиграл ни разу. После этого я убрал шахматы с видного места, и в этой связи новых шахматных партнёров у меня не появлялось.

Окончание девятого класса ознаменовали два важных события: производственная практика и школьная спартакиада.

Производственная практика

Производственную практику мужская половина класса проходила на автобазе. Нам выдали комбинезоны и распределили по цехам. Не помню, куда попал Лёвик, но мы с Юркой были назначены в токарный цех. И это практически разлучило нас на две недели, поскольку работа там была в две смены и, работая попеременно на одном станке, мы виделись только при пересменке. Параллельно с работой на автобазе нас обучали практическому вождению на грузовом автомобиле отечественного производства марки ГАЗ-51.

В один из дней, придя на работу к началу второй смены, я почувствовал в цеху жуткую вонь и услышал недовольный голос токаря автобазы Бориса. Тот ругал Юрку всякими нехорошими словами за то, что он, дрянь такая, обтачивал на наждачном круге часть оленьего рога – отсюда и возникла эта жуткая вонь. Оказалось, Юрка, используя учебную практику в личных целях, изготавливал охотничий нож. На лезвие пошёл старый напильник, а воняющая кость, принадлежащая раньше какому-то парнокопытному, – будущая ручка ножа.

Через день у меня опять была вторая смена, а Юрка на работе с утра не появлялся, и наш с ним общий станок простаивал. Сотовой связи в те времена ещё и в проекте, наверное, не было, да и обычные, домашние телефоны редко у кого в Сортавале имелись. На мой вопрос об отсутствующем друге токарь Борис поведаль следующее (ненормативная лексика не сохранена): накануне, работая во вторую смену, Кожа завершил сборку охотничьего ножа и принял решение о необходимости проведения испытаний изделия. Фантазия юноши подсказала ему только один вариант, который он тут же и реализовал: на белоснежном капоте припаркованного в центре гаража новенького автомобиля «Москвич-408» острием лезвия Юрка крупно выцарапал слово из трех букв, которое с русского на латынь переводится как «пенис» и считается у нас нецензурным. Не успел он порадоваться высоким потребительским свойствам изготовленного лично им ножа, как был схвачен должностными лицами автобазы и, как токарь-вредитель, сдан школьному завучу по производственному обучению по прозвищу Мишка-Япончик.

Закрутился маховик репрессий. Естественно, что руководство автобазы, дабы сохранить товарный вид оставшихся на её балансе автомобилей, потре-

бовало прекратить практику для Кожина, а также обязать его родителей возместить стоимость предстоящего ремонта.

Как всегда, в школу была приглашена Анна Григорьевна, Юркина мама, а сам Юрка подвергся домашнему аресту. К практике его, правда, через пару дней допустили.

Спартакиада

В один из солнечных дней на сортавальском городском стадионе была намечена спартакиада школы. Участие в ней было обязательным. К десяти часам класс собрался на стадионе, но никого из учителей, в том числе главного организатора – физрука Владимира Ильича Лисина, не было. После пятнадцати минут томительного ожидания одноклассники стали громко выражать недовольство. Назревала революционная ситуация: «верхи» не прибыли, а «низы» не хотели ждать, и посыпались предложения разойтись. На «разойтись» я, кстати, забыв о своей почётной роли «козла отпущения», тоже согласился, и класс в полном составе покинул стадион.

В ближайшие же дни было созвано чрезвычайное комсомольское собрание класса. Виновный был найден быстро. Им, естественно, оказался я. Как староста класса (а с момента избрания мне практически первый раз об этом напомнили) я выступил в роли того самого «козла». Звучали обличительные выступления, в первую очередь сознательных девочек. Собрание прошло быстро, по-деловому. Никому не хотелось торчать в школе после окончания практики. В итоге мне быстренько объявили какой-то выговор: то ли простой, то ли строгий. Правда, без занесения в учётную карточку, и все резво побежали по своим делам. А мой табель за девятый класс украсила тройка по поведению.

Последнее лето детства

И наступили долгожданные, последние в моей жизни школьные летние каникулы.

Юрку, чтобы он ещё чего-нибудь не исцарапал, родители отправили в Саратов. Лёвку – на Украину к бабушкам, чтобы он там надышался свежим воздухом и наелся сала с галушками.

Папа поехал в Ленинград на сдачу госэкзаменов в своём ЛГПИ, и я поехал с ним.

Папа много занимался, я даже не знаю, когда он спал. А вот у меня была масса свободного времени. Я любил прогулки по городу и часами бродил по историческому центру. Как-то ноги привели меня на площадь Мира, а оттуда я вышел на Московский проспект и оказался у старинного здания,

где у парадного входа стояли старинные пушки. А рядом на стене висела табличка с надписью золотыми буквами: «Ленинградское артиллерийское ордена Ленина Краснознамённое училище имени Красного Октября». В моей голове что-то щёлкнуло, и я понял, что именно в это военное училище я хочу поступить. И ни в какое другое!

Мои родители по-разному относились к моим дальнейшим жизненным планам. Мама, с детства наездившаяся по гарнизонам, сначала со своим отцом, а потом, в зрелом возрасте, и с мужем, хотела видеть меня гражданским человеком. Чаще всего я представлялся ей инженером, и она настойчиво советовала поступать в технический вуз. Папа же мне ничего не советовал, но когда я ознакомил его со своим решением, то он не только одобрил и поддержал, но и предложил помощь, порекомендовав поступать в Ленинградское зенитно-артиллерийское училище, где у него был хороший знакомый, командир дивизиона курсантов. Мама же довела до моего сведения, что проректор Ленинградского института советской торговли Константин Коровин – папин двоюродный дядя и они с папой в очень хороших отношениях. Это гарантирует мне стопроцентное поступление. Но я упрямо твердил своё: «Буду поступать в артиллерийское училище! Во-первых, я хочу всего добиться сам, а служба в одном роде войск с отцом лишит меня самостоятельности. Во-вторых, артиллерия – бог войны, а зенитная артиллерия – сравнительно молодой и сугубо оборонительный род войск. Не хочу быть зенитчиком». Ну, а представить себя торгашом... Нет, это было явно не моё. Хотя, может быть, уже давно (ещё до перестройки) отсидел бы и сейчас был бы уважаемым человеком, бизнесменом средней руки.

Папа успешно окончил ЛГПИ и, прикрутив на китель институтский ромб, вернулся к исполнению своих служебных обязанностей. Вместе с папой вернулся в Сортавалу и я. Было скучно. Юрка и Лёвка по-прежнему находились в ссылке.

От тоски я устроился на временную работу. Местом приложения моих сил стала Сортавальская тарная база. Основная работа заключалась в ремонте старых и сколачивании из дощечек новых ящиков. Иногда приходил вагон с большими деревянными бочками, и нас, несовершеннолетних пацанов, в нарушение Трудового кодекса, ставили на разгрузку. Папа настаивал, чтобы я уволился: «Последние в твоей жизни каникулы, а ты занимаешься ерундой. Ты что, голодный ходишь? Увольняйся! Мне перед людьми стыдно».

Платили копейки. За десять дней работы я заработал семь рублей с мелочью. Потратил их на книги. Точно помню, что купил двухтомник графа Игнатье-

ва «Пятьдесят лет в строю», томик стихов Владимира Морозова и что-то ещё из фантастики.

Решив, что и в самом деле остаток последних каникул нужно посвятить отдыху, я скооперировался с Юркой Каширским, проживавшим в соседнем доме, и стал ходить с ним на рыбалку. Рыбы много домой не приносил, но ноги стаптывал почти до колен и физически уставал прилично. Зато наша кошка Мурка была всегда сыта.

Однажды Каширский предложил поехать на охотничью базу Министерства обороны, куда нас пригласил отставной сверхсрочник, обладавший охотничьим билетом. Я согласился. По прибытии на базу наш старший товарищ взял напрокат лодку, и мы на вёслах углубились в Ладожские шхеры. Облюбовав небольшой островок, густо заросший соснами, разбили лагерь. На вечерней зорьке наловили рыбы, развели костёр и сварили уху. Поужинав, устроились поудобней у костра, и старый воин начал травить нам свои байки. Пока мы с Юркой не уснули.

Самая низкая температура суток, как правило, приходится на время рассвета. Костёр прогорел, и мы проснулись от холода. На дворе стоял август, и белые ночи уже закончились. Начинаясь удивительный по своей красоте рассвет. Никогда больше в своей жизни я не видел подобной красоты, хотя рассветов встречал сотни, если не тысячи. Это было что-то бесподобное. Островок окружала зеркальная, без единой морщинки, водная гладь, которая казалась застывшей вулканической лавой. За водной гладью серыми громадами возвышались мрачные силуэты гранитных скал, вершины которых покрывали неведомо как зацепившиеся за голые скалы и стоящие вертикально сосны, стройные стволы которых всё отчётливее угадывались в предрассветном сумраке на фоне медленно светлеющего неба. И над всем этим красочным великолепием стояла звенящая тишина.

Небо над скалами постепенно розовело, и цвет его плавно перетекал из нежно-розового в ярко-алый. Наконец появились первые лучи восходящего солнца, окрасившие верхнюю часть сосен в золотой цвет, и вся эта необыкновенная красота отразилась в водной глади. Мы молча любовались нарождающимся на наших глазах днём, боясь нарушить очарование красоты ладожских фьордов сказанным вслух словом. Вот уж поистине, как в знаменитой песне о Карелии: «И не понять, то ли небо в озёра упало, и не понять, то ли озеро в небе плывёт...»

Солнце поднималось всё выше и выше. И вот, когда его раскалённый огненный диск полностью появился над линией горизонта, по водной глади пробежал первый легкий ветерок, отчего безупречно

гладкая зеркальная водная поверхность, покрывшись мелкой рябью, как волшебное зеркало Снежной королевы, рассыпалась на множество мелких осколков. Как по команде невидимого дирижёра, приветствуя очередной день, звонкогласо запели птицы. День родился, и очарование утра исчезло. И мы пошли ловить рыбу.

С тех пор, слыша песню «Долго будет Карелия сниться», я всегда вспоминаю тот удивительный фантастичный рассвет и мечтаю хотя бы ещё разок получить возможность увидеть подобное...

Последнее лето детства плавно и неумолимо катилось к своему неизбежному завершению. Скоро в школу, последний – десятый класс. Из ссылки вернулись Лёвка с Юркой, и жизнь стала заметно веселее.

Десятый класс

Десятый класс у нас, мальчиков и девочек 1949 года рождения, получился каким-то необычным, неправильным. Эта необычность объяснялась тем, что, с одной стороны, мы были выпускными классами, а с другой – в школе были и одиннадцатые классы, и многим обучающимся в них было уже по восемнадцать лет. Нет, одиннадцатиклассники нас не подавляли, не унижали и не оскорбляли. Но они составляли основу практически всех спортивных команд школы, выступавших на первенство города, и нам пробиться туда было сложно, т.к. они были лучше развиты физически. Они были раскованнее и более конкурентноспособны во всех разнообразных вопросах школьной жизни. Таким образом, вследствие очередной школьной реформы судьба отвела нам роли второго плана. Мы находились на перепутье: уже не дети, но ещё и не взрослые.

1 сентября мы с Лёвкой, по предварительномуговору, сели за одну парту – третью в первом ряду, у окна. Я устроился у окошка с видом на магазин «Динамо», а Лёвушке досталось место рядом с проходом, что давало ему преимущество в случае экстренной эвакуации.

В десятом классе наша школьная жизнь забила, что называется, ключом. Учились мы уже в первую смену, и свободного времени стало несравненно больше. Хватало и на учёбу, и на спорт, и на самостоятельность, и даже на отдых.

На первой же неделе состоялось организационное классное собрание. Нужно было избрать старосту, и на голосование опять была выставлена моя кандидатура, причём на безальтернативной основе. Я взял слово и заявил самоотвод, объясняя свою позицию тем, что недостойн занимать такую ответственную и важную должность по своим морально-деловым качествам. Я покрыл себя

несмыслимым позором, у меня комсомольское взыскание и тройка за поведение в девятом классе. Но Семёныча так просто с толку не собьёшь! Он взял слово и выступил в поддержку моей кандидатуры. Говорил он, как всегда, артистично и несколько пафосно. Не помню за давностью лет его речь дословно, но смысл свелся к тому, что и он, и класс мне верят и очень надеются на то, что прошлогодний урок мною усвоен, сделаны правильные выводы и я своим образцовым исполнением обязанностей старосты класса сумею не только искупить свою вину, но и заслужу полное прощение и вечную славу! Было предельно ясно, кто решал мою судьбу. Проголосовали подавляющим большинством за меня. Против был только один человек, и этим человеком был я.

А вскоре комитет комсомола школы делегировал меня своим представителем в городской молодёжный клуб при сортавальском райкоме комсомола, который носил красивое название «Северное сияние».

Я продолжил заниматься баскетболом, регулярно ходил на тренировки и играл сначала за класс на первенство школы, а через некоторое время и на первенство города за сборную своей школы. Правда, место в основном составе мне гарантировано не было, так как основу сборной составляли одиннадцатиклассники. Поэтому чаще всего я выходил на замену и играл не так много, как мне хотелось.

Звёздный час

К ноябрьским праздникам Иван Семёнович решил поставить для школьного вечера, за подготовку которого отвечал наш 10«б» класс, отрывок из спектакля Бориса Лавренёва «Разлом», где сам же и выступил в качестве режиссёра-постановщика. Главные роли достались Лёвке и мне. Лёвка играл матроса-большевика Артёма Годуна, а я какую-то контру – эсера Успенского, представителя Временного правительства. Остальные ребята были массовой: матросами революционного кронштадтского крейсера «Заря», на бронированной палубе которого происходило действие выбранного Семёнычем отрывка.

В Сортавале в те годы дислоцировался погранотряд, куда входило и небольшое подразделение пограничных катеров. Там Семёныч, который был не только режиссёром, но по совместительству ещё и реквизитором, и пиротехником (об этом позже), разжился тельняшками, бушлатами, бескозырками. Главный герой и его революционная братва (в те годы слово «братва» ещё не имело ярко выдержанного криминального содержания) были экипированы.

А вот «эсеру» пришлось одеваться и гримироваться самому, так как отряда эсеров в Сортавале тогда, как говорится, и рядом «не стояло». Выручили родители. У папы я попросил шляпу и пальто, так как у меня было только зимнее, с воротником из мутона, и на одежду представителя Временного правительства никак не годилось. С восьмого класса, с Германии, у меня сохранились очки, точнее оправка очков, к которым на тонкой проволоке были прикреплены чёрные усы и маленькая козлиная бородка (покупал к Новому году для прикола). Таким образом, и с моим рекевизитом вопрос был решён.

До дня школьного вечера прошло несколько репетиций, результатами которых, в конечном итоге, режиссёр остался доволен. Как пиротехник, Семёныч раздобыл у химички горстку бертолетовой соли и самолично соорудил «бомбу» для имитации выстрела другого революционного крейсера – «Авроры». Накануне премьеры в спортивном зале установили сцену, и мы провели генеральную репетицию.

Наконец настал наш звёздный час. Спортзал наполнился старшеклассниками и учителями. На сцене всё шло так, как написал Лавренёв. Перед матросами выступил эсер Успенский (я), который пообещал матросам всё, что они пожелают, и предложил за это поддержать Временное правительство. Однако матрос Годун (Лёвка) спутал Успенскому (мне) все карты, ловко перетянув матросов на сторону большевиков. В итоге Успенский (я) под свист и улюлюканье распоясавшихся до предела матросов, окончательно забывших о воинской дисциплине и данной ими присяге, под аплодисменты зала (спортивного) ушёл со сцены и спрятался за задник. За задником я (бывший Успенский) снял пальто и, схватив баян, сел на стул, ожидая выстрела «Авроры». Матросы заканчивали митинг и рвались в бой с целью осуществить социалистическую революцию. Семёныч дождался своего часа! Палкой он ударил по пакету с бертолетовой солью, и раздался взрыв! Зрительный зал мощно, единым организмом, охнул и вздрогнул от неожиданности. Я по этому сигналу заиграл «Варшавянку», а массовка, ведомая Годуном (Лёвкой), с диким топотом отправилась делать революцию.

Аплодисменты! Клуб весёлых и находчивых

Сортавальский райком ВЛКСМ стал инициатором организации в городе игр Клуба весёлых и находчивых, по которым в то время сходила с ума вся страна, игры транслировались по телевидению. Поскольку наш город телевидения был лишён (не

было приёма сигнала), то играть в КВН мы должны были сами по себе, так сказать, «без подсказок».

На заседании городского молодёжного клуба «Северное сияние» определили состав участников. Ими стали команды: мсд (мотострелковой дивизии), ПО (пограничного отряда), сельскохозяйственного техникума, медицинского училища, торгового техникума, 1-й средней школы и 3-й средней школы. Составили календарь встреч, определили даты проведения и т.д. Все встречи должны были проходить в гарнизонном Доме офицеров. Я получил персональное поручение: заказывать в типографии билеты на КВН и получать готовую продукцию.

Закипела подготовка к состязаниям. Основу команды, как и в спорте, составили одиннадцатиклассники. Однако я вместе с Лёвкой и Юркой тоже был включён в «основу» сборной КВН школы.

Перед первой встречей я пошёл в типографию получать заветные билеты на КВН. Тугую пачку напечатанных на тонком картоне и приятно пахнущих типографской краской билетов я принёс домой. Сев за письменный стол, я дважды внимательно пересчитал билеты, и оба раза подсчёты показали излишек. Я боялся, что будет меньше, чем заказано, а здесь излишек, причём около двадцати билетов. Эти билеты, чтобы не нарушать отчётности, я изъём. При последующих заказах общая картина не менялась: двадцать-тридцать лишних билетов я изымал в личный резерв, а заказанное количество относил в райком, где билеты распределялись между участниками, причём те команды, которые непосредственно выясняли отношения на сцене, получали больше билетов, а те, которые в конкретной встрече не участвовали, – меньше.

Полученные в райкоме билеты я приносил в комитет комсомола школы, и мы их делили между классами: выпускные классы получали больше, девятые меньше, а остальным не доставалось ничего. Игры КВН в Сортавале пользовались большим успехом у молодёжи. Со мной на улице даже незнакомые парни стали здороваться при встрече. Билеты на КВН пользовались повышенным спросом. Свой «личный резерв» я распределял сам. В первую очередь «обилечивал» своих друзей, а потом раздавал всем желающим по мере обращения. Таким образом, нашей команде всегда была обеспечена активная поддержка зрителей.

На одну встречу КВН, когда наша команда не играла, я вместе с парнем из 3-й школы был назначен ведущим. Мы неплохо справились, об этом даже написали в районной газете.

Победно обойдя нескольких соперников, обыграв в полуфинале пограничников, мы добрались до финала.

На приветствие мы вышли под знамёнами «золотой орды». Выход команды осуществлялся через зрительный зал, а капитана команды Юру Степанова из 11«б» класса несли на носилках под шикарным балдахинном. Всё было хорошо продумано и прикольно, к финалу мы готовились как никогда. Но после приветствия за кулисы пожаловала дама из райкома и стала нас энергично «регулировать». «Что это за название? Что за обращение к аллаху? А еще комсомольцы!» И т.д. «Если не снимете эти дикие одежды, не получите больше ни одного балла».

Пришлось срочно переодеваться, прямо по ходу править заранее подготовленные репризы, а что-то просто убирать. Домашнее задание отрабатывали хорошо, получили максимальную оценку и сравнялись по очкам с соперником. Сосредоточились на выполнении заданий, подготовленных для нас ведущими. Паники не было, все успокоились, подбадривали друг друга. В итоге мы победили! Команда нашей школы заняла первое место в городе Сортавале и получила главный приз, а все члены команды были награждены грамотами Сортавальского райкома ВЛКСМ.

Трио «Ритм»

В начале второй четверти мы организовали инструментальный квартет, который стал выступать практически на всех школьных вечерах, на смотрах художественной самодеятельности, на праздничных концертах. Весь квартет, который мы назвали «Ритм», состоял из учеников 10«б»: Лев Гольденберг – руководитель, аранжировщик, композитор и баянист, Валерий Власов – ударные, Виктор Мошников и Михаил Бузик – гитара. Правда, вскоре квартет трансформировался в трио, так как Мошников, ссылаясь на отсутствие свободного времени, отказался продолжать публичную музыкальную деятельность. Вокалистов хватало: Юра Степанов, Юра Кожин, Валерий Свинцицкий, Юрина сестра Лиля Кожина, девочки из параллельных классов...

Баян и гитара у нас были. Малый барабан и тарелку нам дали в школе, где был комплект инструментов для духового оркестра, который только создавался. Щёточки для ударника мы изготовили сами из стальной проволоки и двух медных трубок, которые искали по всему городу. Тарелку вешали на стойку складного пюпитра, который у меня был ещё с Германии. Из акустической гитары сделали электрогитару. Для этого на кузов приклеили наушники, которые подключали к усилителю 8-мм киноаппарата.

Во время весенних каникул нам дважды довелось выступить в Москве: сначала в сборном кон-

церте во Дворце пионеров на Ленинских горах, а затем – на Весеннем балу старшеклассников Москвы, проходившем в телевизионном театре (в то время на весь СССР оттуда транслировались КВНы). К поездке в Москву мы подготовили свою, фирменную песню. Она была «страдательная», про любовь, и называлась «Ты приди, приди ко мне». Слова написал наш основной солист Юра Степанов, а музыку подобрал Лёвка. Сказать «написал» рука не поднялась, так как Лёвушка, хоть и окончил музыкальную школу и знал ноты, музыку подбирал исключительно на слух. «Слухачом» он был отменным, а записывать ноты ему было лень.

Весенний бал старшеклассников Москвы принял наш ансамбль прекрасно. Десятиклассница душевно исполнила «Карелию», потом Юра Степанов спел «Осторожно, листопад». После чего какая-то тётка стала энергично подавать из-за кулис знаки освободить сцену. Но было поздно, Степанов уже произнёс в микрофон: «А сейчас мы исполним песню, которая родилась в нашем коллективе! «Ты приди, приди ко мне». И запел. Песня была принята залом отлично, нам начали бисировать. Но злая тётка выскочила на сцену и начала по-змеиному шипеть: «У нас профессионалы столько не выступают. Освободите сцену немедленно!»

Концерт закончился, и в фойе начались танцы. Все скакали под «Летку-Енку», было радостно от того, что мы нормально выступили. К Лёвке подошли девушки, попросили ноты нашей песни. Лёвка сказал, что у него с собой их нет. Ему стали писать адреса и просили выслать ноты. И Лёвка, что характерно, всем обещал. Потом, в Сортавале, я ему неоднократно напоминал: «Запиши ноты и вышли, ты же обещал». Ноты он шлёт до сих пор.

Нашей поездке в Москву предшествовал ряд важных для истории событий.

Драматическая медицина

Жажда познания заставляет учёных ставить на себе смертельно опасные опыты, ведь результаты опыта на животных можно лишь условно применить к человеку. И это в полной мере понимал мой друг Юра Кожин. Несмотря на то что в их семье была охотничья собака по кличке Ирма, он решил отказаться от опыта на добром, ласковом животном, любимце семьи Кожиных, и подверг нешуточной опасности непосредственно себя.

В книге «Драматическая медицина» австрийский врач Гуго Глязер отмечает: «Каждый, кто выделяется из массы, должен быть отмечен особо, каждый из тех, готовых принести себя в жертву великих героев и мучеников, которые проделывали опыты на самих

себе. Забыв о них ... история человечества вообще поступила бы несправедливо».

Английский врач Антуан Клот в 1802 году в Египте взял некоторое количество бактериальной флоры с рубашки больного чумой и сделал себе прививки в шесть мест. Потом облачился в одежду больного чумой, а когда тот умер, лёг в его постель. Короче, он сделал всё, чтобы заразить себя, но это ему не удалось. Главной целью опыта, поставленного на себе, было показать, что бессмысленный страх перед чумой, приводивший к параличу всей экономической жизни, необоснован, т. к. не каждый заболел, даже когда свирепствовала эпидемия.

Нобелевский лауреат Пьер Кюри, исследуя радиацию, десять часов облучал свою руку. В результате чего появилась язва и вместе с ней – новая область медицины, названная радиотерапией. Сам Пьер умер от того, что попал под лошадь.

Основатель российской трансфузиологии Александр Богданов после многочисленных опытов по переливанию крови «обменялся» кровью с больным туберкулёзом, надеясь передать ему свой иммунитет. В итоге больной остался жив, а сам экспериментатор умер.

Таких примеров в книге «Драматическая медицина» множество. Мой друг Юрий Кожин вполне мог встать в один ряд с учёными, ставившими на себе опасные опыты, рискуя своими жизнями во имя человечества. Но обо всём по порядку.

Каюсь, но в десятом классе мы уже пробовали спиртное. Это были дешёвые красные вина типа «Кавказское», «777», «Волжское», болгарская «Варна» и т.п. Нам очень хотелось казаться взрослыми, а какой же взрослый без вина и табака? Перед школьными вечерами прятали в классе по бутылке вина. По ходу вечера периодически навещали заветные бутылки и прикладывались к ним по чуть-чуть. К концу мероприятия оставалась только стеклотара.

Как-то Юрий Павлович доверительно сообщил мне и Лёвке, что вино его уже «не берёт» и он решил перейти на более крепкий русский народный напиток – на водку. Но вначале он намерен провести эксперимент, целью которого ставит испытать на своём юном организме действие напитка, авторство которого долгое время приписывалось великому русскому учёному Менделееву, и определить оптимальную дозировку. Для чего герой-экспериментатор намерен купить 500 мл напитка под названием «Московская», и на это ему необходимо 2 рубля 87 копеек, а также еще 33 копейки на закуску. Итого – 3 рубля 20 копеек. Наши с Лёвкой уговоры отказаться от рискованного эксперимента или, на худой конец, удешевить его за счет снижения экспери-

ментальной дозы до 250 мл услышаны не были. Уж если Юрка что решил...

В школу нам обычно давали 20 копеек, на которые мы покупали в школьной столовке пару пирожков с повидлом и чай. И Юрка, не предавая свои намерения широкой огласке, начал упорно (а этого качества ему было не занимать) готовить материальную базу для эксперимента. Через пару недель набралась искомая сумма, и в одну из суббот, ставшую роковой, он осуществил свой героический замысел.

Как-то мы с Лёвкой встретились у «девятки» (продовольственного магазина № 9 на первом этаже жилого дома), где проживал Юрка, и поднялись к нему, чтобы пригласить на совместную прогулку. На звонок в квартиру под номером «8» дверь открыла Анна Григорьевна, мама нашего друга, работавшая судьёй в народном суде Сортавальского района. Упредив наш вопрос, она сказала, что Юры нет дома, так как он после школы пошёл на хор и пока не вернулся. Оказавшись на улице, мы стали строить версии, почему так затянулся хор? Юра действительно пел в хоре, но время репетиции уже давно прошло. Мы подошли к школе, но она уже была закрыта. Лёва высказал версию, что Юрка где-то осуществляет свой смелый эксперимент. Но где? Стоял лёгкий морозец, и пить где-то на улице (например, в городском парке) было крайне некомфортно. Начали рассматривать самые фантастические версии. И тут Лёвушка вспомнил, что у Славы Бабчика, учившегося в параллельном классе и дружившего с нашим одноклассником Вовкой Власовым, на выходные родители куда-то уехали. Лёвка, старожил Сортавалы, знал, где проживает Бабчик, и мы направились к нему. Дверь открыла Эльвира, сестра Славы, и поведала нам, что Слава с Вовкой Власовым ушли гулять. Мы уже хотели попроситься с девушкой, но что-то подтолкнуло нас спросить, а не заходил ли к ним Юра Кожин? Эльвира несколько не удивилась нашему вопросу и будничным голосом сообщила, что Юрка сейчас в их квартире – спит на диване. Пьяный. Спросив разрешения, мы осторожно, на цыпочках, чтобы не потревожить ненароком сон друга, вошли в квартиру.

На диване в гостиной в неудобной позе лежало бездыханное Юркино тело. С первого взгляда стало ясно, что потревожить тяжёлый сон этого человеческого организма не смог бы даже тысячетрубный сводный духовой оркестр московского гарнизона. Стало как-то страшно за Юрку. Первым пришёл в себя Лёвка. Хотя в то время он еще только мечтал стать врачом, но кое-какие познания в медицине, неожиданно для меня, обнаружил. Он взял Юркину руку и, с трудом нащупав нитевидный пульс, спокойным голосом констатировал: «Жив. Спит, собака».

По сути, Кожа, сам не осознавая важности происходящего, стал его первым пациентом.

Лёвка принялся расспрашивать единственного свидетеля алкогольного отравления Кожи. Свидетель показала, что потерпевший появился в квартире, ещё когда её старший брат Славка и его друг Вовка были дома. Потерпевший принес с собой бутылку водки «Московская» объёмом пол-литра, а также плавленный сырок неизвестной торговой марки и четвертинку чёрного хлеба. Сначала ребята что-то обсуждали, затем Славка дал потерпевшему чистый стакан, и эксперимент начался. Наливая огненную воду в стакан с интервалами в пять-семь минут, Кожа при свидетелях в несколько приемов употребил напиток и съел нехитрую закуску. После чего все трое быстро оделись и пошли гулять.

Дополнительные подробности удалось выяснить значительно позже, почти через пятьдесят лет непосредственно от Славы Бабчика. Юрка не был в своём благородном порыве таким уж бескорыстным. Он на что-то с ними поспорил. По условиям спора, после употребления «Московской особой» Кожа должен был ещё пройти до торгового техникума и обратно. И именно туда и направилась вся троица. Кожа на собственных ногах дошёл до «торгухи», но на обратном пути ноги стали ему отказывать. Наверное, закуски было мало. Но группа поддержки (в буквальном смысле слова) не позволила будущей гордости советской дальней авиации замерзнуть в ближайшей подворотне и бережно доставила его в квартиру Бабчика. К этому моменту смелый экспериментатор начал непроизвольно закрывать глазки, бормотать что-то нечленораздельное и в конце концов замолк. Расстроенные проигранным пари Вовка со Славкой уложили окончательно потерявшего сознание Юрку на диван и, посчитав на этом свою миссию выполненной, ушли гулять. Юрка пока не просыпался.

Выслушав подробный рассказ свидетельницы, Лёвка напрягся и решительно выдал: «Надо Юрку вытрезвлять! Нужен нашатырный спирт». Нашатырный спирт нашёлся.

Пока готовился водный раствор нашатырного спирта, из динамиков радиолы, стоящей рядом с диваном, раздался знакомый голос Луи Армстронга, душевно исполнявший любимую песню потерпевшего «Шестнадцать тонн», повествующую о тяжёлых условиях труда и бедственном положении шахтёров-угольщиков США во время «Великой депрессии». И Юрка, не приходя в сознание, вполголоса стал подпевать знаменитому американцу. Звучало это так себе, наверное потому, что Юрка пел на не очень внятном русском, а ничего не подозревающий Луи – на внятном английском.

Лёвка всегда был и остаётся добрым человеком и потому нашатыря не жалел. Раствор получился хорошим, насыщенным. Запах стоял по всей квартире. Дождавшись окончания песни, мы потащили Кожу в ванную комнату и там с огромным трудом, открыв ему рот, заставили выпить целительный раствор. Поддерживая обмякшее тело друга своими плечами (помните слова из популярной в те годы песни: «друг мой – третье моё плечо?»), переговариваясь вполголоса, ждали начала действия приготовленного Лёвкой эликсира. И действие проявилось! Внутри потерпевшего что-то стало громко булькать, и едва мы успели наклонить его над ванной, как из Кожи полилось. Трудно сказать, какой объем жидкости вышел наружу, но после прекращения судорожных движений Юркиной диафрагмы Лёвка объявил: «Всё. Он пустой». И мы отволокли тело друга на успевший полюбиться ему диван.

Юрка опять забылся тяжёлым сном, но сейчас он хотя бы походил на полуживого. Выждав примерно полчаса, мы решили, что больному необходим свежий воздух. Извинившись перед Эльвирой за доставленное ей беспокойство и испорченный субботний вечер, а также сердечно поблагодарив за оказанное содействие, мы одели Юрку и вывели на воздух.

Вопреки нашим ожиданиям, морозец, характерный для начала марта, Кожу не отрезвил. Он по-прежнему был пьян, хотя уже слышал и даже мог самостоятельно издавать звуки, но лишь отдалённо походившие на человеческую речь. Больше эти звуки напоминали призывный рев молодого самца гиббона, предвкушающего начало периода сезонного спаривания. Но передвигаться на двух ногах без посторонней помощи он либо ещё не мог, либо элементарно не хотел. Движимые инстинктом самосохранения, в стремлении уйти с центральной улицы, мы с Лёвкой, бережно поддерживая тело друга, свернули в сквер перед школой. И очень даже зря, так как навстречу нам попался Вася-Мася. Естественно, мы с Лёвкой не обрадовались встрече с физиком, а он и сам не стал к нам приближаться. Ему всё было ясно и без наших объяснений.

К счастью, мы без приключений и уже без нежелательных встреч добрались до Юркиного дома и завели больного в кочегарку. В кочегарке у нас были друзья. Одного звали дед Иван, а имя второго я не помню. Зимними вечерами мы все трое частенько заходили в кочегарку в гости. Покурить, погреться, послушать байки из взрослой жизни. В тот вечер дежурил дед Иван. Трезво оценив ситуацию, он разрешил положить Юрку на жёсткий армейский топчан, предварительно постелив на него свой ватник. Пристроив Юрку, мы с Лёвкой вышли на улицу.

Стрелки часов неумолимо приближались к 22.00. Для Лёвки это было контрольное время, установленное родителями. Начинаясь комендантский час! Во избежание санкций Лёвушка направился домой заниматься физикой и химией. Я же забежал домой, предупредил маму, что буду поздно, так как нахожусь у Юры Кожина, и вернулся в кочегарку. Юрка спал тревожным сном. Жизнь медленно возвращалась к нему. Лицо начало розоветь. Дыхание прослушивалось.

И вдруг Юрка запел свою концертную песню: «Ну что тебе сказать про Сахалин...» После нескольких повторов одного и того же куплета, исполнение песни завершилось. На какое-то время певец затих. Но потом всё же зашевелился. Верхние и нижние конечности его двигались в странных конвульсиях. Однако вскоре я начал замечать в его движениях систему. Так, например, когда собаке снится, что она бежит, её лапы двигаются именно так, как при беге. Я это хорошо знал по Джеку, нашей немецкой овчарке, которую мы держали в Нойштрелитце. Но Юрка никуда не бежал. Это были совсем другие движения. И тут он, не открывая глаз, четко заговорил: «Вася, «фокеры» слева! Прикрой, атакую!» Видимо, Вася надёжно прикрыл Юрку, потому что вскоре тот радостно доложил: «Так, один готов!» В паре с совершенно неизвестным мне Васей Кожа вёл бой с фашистами! Я решил ему не мешать. То есть не будить. Пусть себе сбивает фрицев, раз ему так хочется. Жалко мне этих фрицев, что ли? Попросив деда Ивана присмотреть за славным сталинским соколом, я побежал к нему домой.

В моей юной голове созрел соответствующий возрасту совершенно идиотский план: я должен дожидаться момента, когда родители друга лягут спать. Тогда я тихонько приведу Юрку домой, и он, пройдя с моей помощью в свою комнату, быстро разденется и тоже ляжет. Мне казалось, план хорош. Я не мог догадаться тогда, что нормальные родители не смогут спокойно лечь спать, пока ребёнка нет дома. Это я узнал гораздо позже, когда сам дважды испытал радость отцовства. Но тогда у меня родительского опыта не было. Совсем.

На мой звонок дверь открыла Анна Григорьевна, а из-за её плеча в дверном проёме гостининой хорошо была видна кряжистая фигура Павла Васильевича.

«А Юра не пришёл?» – спросил я. «Мы уже и не знаем, что думать», – с тревогой в голосе сказала Анна Григорьевна. Мне стало жалко всех, а особенно Юрку. Он такой славный! Самолёты вон вражеские сбивает. А тут... Юрке грозила суровая кара. В отличие от моего отца, исключившего ещё после восьмого класса из арсенала воспитательных средств экзекуцию, Павел Васильевич (может, по-

тому, что у него не было, как у моего, высшего педагогического образования) всё ещё медлил с введением моратория на телесные наказания.

Пытаясь спасти ситуацию, я начал врать. Я крайне редко врал. Но эта ложь была во благо. Я ведь спасал друга! А как учил Александр Васильевич Суворов? Сам погибай, а товарища выручай! Ну, не говорить же им, что их единственный сын (остальные двое детей, на их счастье, были девочками) сейчас лежит мертвецки пьяный в вонючей кочегарке их же дома? И просить их не волноваться. Типа – он проспитя и придёт? Нет, так не пойдёт.

«Значит, мы с ним разошлись. Ребята из параллельного класса были на вечере в третьей школе и сказали, что Юра тоже там был и уходил вместе с ними и ребятами из общаги. Я сейчас туда сбегаю. Так что вы не волнуйтесь, с Юрой всё в порядке». Общагой мы называли интернат на улице Горького, где жили дети пограничников, проходивших службу на заставах. Успокоив, как мне казалось, родителей Кожи, я вернулся в кочегарку. Воздушный бой завершился нашей убедительной победой, поскольку Юрка был жив и лежал на спине с мутным взглядом уже открытых глаз. «Сколько сбил?» – кивнув в сторону Юрки, задал я вопрос деду Ивану. «Точно не скажу, но пять-семь штук точно», – улыбаясь, ответил дед Иван.

Растормошив Юрку, вывел его на улицу. Мороз усилился, это было мне на руку. Поддерживая друга, повёл его на улицу Горького. Улица была пустыня, и мы, в свете фонарей уйдя с заваленных снегом тротуаров, спокойно перемещались посередине дороги. Юрка трезвел!

Посмотрев при тусклом свете уличного фонаря на часы и сообразив, что именно сейчас в далёкой Москве часы на Спасской башне бьют полночь, я решил: пора! И повёл Юрку домой. По дороге я инструктировал его, как нужно себя вести. Повторял для лучшего усвоения одно и то же многократно: «Войдём в квартиру – молчи. Не делай резких движений. В глаза не смотри. Говорить за тебя буду я». В ответ Юрка промывчал, что всё понял.

Мне почему-то казалось, что дверь откроет Лилька, которая училась на год старше нас, и я сдам бра-та ей на руки, а уж она тихонько уложит его спать. Но сработал худший вариант. Дверь открыл сам Павел Васильевич. Со всей своей хорошо развитой мускулатурой. Забыв все мои наставления, Кожа бодро шагнул навстречу родному отцу, и его повело в сторону. Я только успел ухватить его за рукав и, стоя сзади, удерживал в вертикальном положении.

Павел Васильевич включил свет в прихожей, и его опытный взгляд быстро оценил состояние сына. «Так ты ещё и пьян!» – раздался зычный голос,

и вслед за этой фразой правая рука Юркиного отца нанесла ему удар в лицо. Юрка непременно упал бы, но я, получивший за этот злополучный вечер большую практику в обращении с телом друга, почти автоматически поймал его под мышками и вновь поставил вертикально. Может быть, и зря, так как Павел Васильевич размахивался для второго удара. Не знаю, как я среагировал, но второй удар пришёлся по кисти моей левой руки, которую я инстинктивно выставил вперед, прикрыв Юркино лицо. «Павел Васильевич, не бейте Юру, пожалуйста!» – взмолился я. Меня поддержала вышедшая вслед за мужем Анна Григорьевна. Не помню, что говорила она, но экзекуция прекратилась. Анна Григорьевна поблагодарила меня, что я нашёл сына, и пожелала мне спокойной ночи, намекая, что аудиенция окончена. И я ушёл.

В воскресенье мы все трое должны были идти на день рождения к Злобину из 11«б». С подарками для именинника мы с Лёвкой позвонили в Юркину квартиру. Дверь открыла Анна Григорьевна. На наш вопрос, пойдёт ли Юра на день рождения, она категорично ответила: «Нет! Он под домашним арестом». – «А можно нам поговорить с ним?» – «Поговорите».

Кожины занимали трёхкомнатную квартиру. На пятерых. Кроме Лильки и Юрки, у них была еще одна дочь – Нина, которая в то время пребывала в счастливом пионерском возрасте. Поскольку Юрка отличался от своих сестёр по гендерной принадлежности, он проживал в маленькой, но отдельной комнате. Туда мы с Лёвкой и прошли.

Кожа сидел за столом, подперев голову руками, и тупо смотрел в окно. На наши шаги он повернул голову, и мы увидели большой красивый синяк под левым глазом и в замутнённом взгляде прочитали неимоверное страдание. Да, Юрка первым из нас узнал, что такое похмелье, в этом он опередил нас с Лёвкой на несколько лет. Юрка поведал, что утром, гонимый неимоверной жаждой, он выпил залпом три стакана воды и снова запьянел. Да, бесценный опыт передал нам Юрка, отважно прочувствовав на себе всю пагубность злоупотребления алкоголем.

На этом беседа была прервана напоминанием Анны Григорьевны о том, что Юра наказан, а нам пора идти на день рождения.

В понеделник, как и ожидалось, меня подозвал Иван Семёнович и напрямую спросил: «Правда ли, Миша, что вечером в субботу ты, Лёва Гольденберг и Юра Кожин ходили по городу пьяными?» Откуда у него появилась эта информация, догадаться было несложно – Вася-Мася постарался. И хотя информация было достоверной только на 33%, я ответил, что все это не так. Мы просто дурачились. Юра изображал из себя пьяного, а мы с

Лёвой его поддерживали. Опровергнуть мои слова не мог даже Вася-Мася, так как он, то ли из чувства такта, то ли из боязни связываться с пьяными (как ему показалось), близко к нам не подходил и на предмет алкогольного опьянения не тестировал. Семёнович в мою легенду поверил. Или, что наиболее вероятно, сделал вид, что поверил. У нас был замечательный классный руководитель, не только великолепно знавший свой предмет – историю, но и понимавший нас, совсем ещё молодых и порою глупых, но уже пытавшихся вести себя по-взрослому. Светлая ему память.

Следует заметить, что для Юры Кожина данный опыт не прошёл даром. Когда в июле 2011 года Юру провожали в последний путь, один из его друзей, с которым он «крыло в крыло» не раз и не два бороздил воздушный океан, за поминальным столом заметил: «Юрий Павлович никогда не игнорировал компаний, но никто из нас никогда не видел его пьяным». Думаю, что опыт глупого эксперимента со спиртным помог ему раз и навсегда определиться с нормой и никогда её не превышать. Юра был волевым и целеустремлённым человеком. Во всём.

Битва за Москву и психрометр Августа

Педагогический коллектив нашей школы хлеб ел недаром. Движимые стремлением воспитать из нас настоящих строителей коммунизма, педагоги постоянно искали для достижения этой великой цели всё новые и новые стимулы. Одним из таких стимулов стало широко развернувшееся соревнование между старшими классами за суммарное первое место, занявшему которое классу, в качестве морковки, была обещана поездка в Москву. Занявшим же два других призовых места полагались «утешительные призы» по пять мест на поездку от каждого класса. Всех ознакомили с условиями соревнования, и оно началось.

Критерии определения победителей были многогранны. Это и успеваемость, и дисциплина, и качество уборки классных помещений, и участие класса или его отдельных представителей в общественной и спортивной жизни школы, и т. д. и т. п. За всё начислялись баллы.

В первые же недели вперёд вырвался 11«б» класс. Они лидировали в первую очередь за счёт учёбы (Аркаша Микичук окончил школу с золотой, а Наташа Михеева с серебряной медалью). Да и класс у них был очень дружный. За последующие места развернулась борьба между нашим 10«б» и 11«в», который в народе называли 11«ж», так как в их классе учились только девочки. Девочки в 11«ж» были

странные. Настолько откровенно стали делать нам мелкие пакости, что это повлекло за собой ответные действия с нашей стороны.

Каждый из старших классов в соответствии с графиком неделю дежурил по школе. Дежурные следили за тем, чтобы младшие школьники на переменах не бегали, не галдели, не дрались. А в конце каждого учебного дня проверяли качество уборки всех старших классов, так как там убирала по очереди сами старшеклассники, а не технички, как у малышей. Классы убрали два человека, попарно. Поскольку мы с Лёвкой сидели за одной партой, то и убрали класс вдвоём. В одно из наших дежурств, когда мы буквально вылизали всё, что только можно было вылизать, к нам заявила авторитетная комиссия от дежурного класса, которым на той неделе был 11«ж», в составе трёх человек под председательством старосты класса. Они тщательно проверили качество нашей работы и, не найдя, к чему придраться, заявили: «В классе холодно!» И на этом основании поставили нам тройку.

Было обидно до зелёных соплей. Мы так старались, а эти кикиморы... Ну, ладно. Мы не стали жаловаться на произвол Семёнычу, а задумались над тем, как мы отомстим «жешницам». И план был выработан. Нужно было только дождаться условий для его реализации.

И вот настал час мести! Наш класс дежурил по школе, и я, как староста класса, должен был проверять и оценивать качество уборки. Ещё на перемене мы с Лёвкой отправились в кабинет физики и одолжили у лаборантки Нади Капустиной психрометр Августа (если кто забыл – это прибор для измерения влажности воздуха). Надя регулярно просила у меня билеты на КВН, и я ей в этом не отказывал, выдавая из «своего резерва». Поэтому Надя отказать нам не смогла. Спрятав арендованный прибор в шкаф для тряпок, вёдер и швабр, мы затаив дыхание ждали заветного часа икс. Привлекать к акту возмездия Юрку мы не стали. В 11«ж» училась его сестра Лилька, и было решено лишний раз не накалять атмосферу в семье Кожиных.

Держа под мышкой психрометр, мы с Лёвкой важно вошли в кабинет химии, где «квартировал» 11«ж». Девчонки явно постарались, кабинет был убран на совесть. И тогда мы безжалостно развернули психрометр товарища Августа и начали замер. Хотя психрометр Августа и уступал психрометру Асмана, мы произвели замер, а затем, используя формулу Реньо, рассчитали абсолютную влажность воздуха. Не важно, что показывал прибор и показывал ли он что-нибудь вообще. Для нас был важен процесс, осуществляя который мы обращались друг к другу подчеркнуто вежливо, исключительно

как «коллега», и по завершении которого констатировали: «В классе повышена влажность. В таких условиях здесь вредно заниматься». И объявили оценку: «Тройка!», которую я тотчас занёс в специальный оценочный лист. И так же важно, как пришли, мы чинно удалились, игнорируя возмущённые вопли бурно протестующих «жешниц».

Изощённо-издевательская месть состоялась! Упиваясь чувством восстановленной справедливости, мы отправились возвращать прибор Наде Капустиной.

В отличие от нас, девичий класс был начисто лишён благородства. На следующий же день они нажаловались своей классной даме – нашей «химичке». И мы с Лёвкой, сами того не желая, предстали пред светлые очи Семёныча. «Ну, что вы там проверяли в кабинете химии?» – спросил он, сурово сдвинув брови. Мы объяснили, начав с событий почти двухнедельной давности, когда нам поставили тройку за низкую температуру воздуха, и закончили вопросом: почему температура воздуха может иметь значение в оценке такого важного мероприятия, как уборка класса, а влажность того же воздуха – нет? И Семёныч все понял и, чуть заметно усмехнувшись, нас отпустил. Похоже, он взял нас на поруки. Он не раз демонстрировал нам, ученикам вверенного ему для руководства класса, свою поддержку и, как мог, уберегал от лишних неприятностей.

Лыжня зовёт!

Третья четверть завершилась, и по этому поводу в школе состоялся очередной тематический вечер для старшеклассников. Всё было замечательно, настроение отличное. Итоги соцсоревнования подведены, лауреаты определены, и на каникулах предстояла вожделенная поездка в столицу нашей Родины – город-герой Москву. Занявший первое место 11«б» ехал в полном составе, а от нашего класса, занявшего второе место, ехали пять человек.

Неожиданно в фойе, где по завершении официальной части вечера зазвучала музыка и начались танцы, появился Иван Семёнович, жестом подозвал меня к себе и сразу взял «быка за рога»: «Миша, твоя поездка в Москву может не состояться. Владимир Ильич (наш преподаватель физкультуры и главный тренер сборной школы по баскетболу В.И. Лисин) поставил тебе двойку по физкультуре, так как ты не был ни на одном занятии по лыжам. Иди домой к Владимиру Ильичу прямо сейчас и договаривайся о сдаче зачета по лыжам». И с этими словами Семёныч протянул мне бумажку с адресом Лисина.

А на следующий день мы должны были принимать участие в городском смотре художественной само-

деятельности, который проводился в гарнизонном Доме офицеров. Я попросил Лёвку зайти ко мне утром, забрать гитару и отнести её прямо в Дом офицеров, а сам тут же отправился к Лисину. Владимир Ильич был дома и совсем не удивился моему появлению. Похоже, они с Семёнычем заранее всё обговорили и действовали по единому замыслу. Мне была назначена встреча в школе в 10.00. Лыжи мне пообещали выдать.

Надо сказать, мой задушевный друг Лёвушка, страдающая язвой желудка, от уроков физкультуры был освобождён. А посему, когда в расписании стояла лыжная подготовка, он со спокойной совестью шел домой. Коренные сортавальцы в то время рождались прямо с лыжами. И бегать на них начинали раньше, чем ходить. А мне лыжи были как-то в диковинку. В первом классе, в Эстонии, лыж у нас не было. А в Германии и снег-то видели крайне редко, лыжной подготовки не то что в школе, в воинских частях не было. Вместо лыжных кроссов воины Советской армии мужественно изнуряли себя маршбросками. Нет, на лыжах я несколько раз в жизни стоял. И даже мог неторопливо на них передвигаться. Но это было за десять лет до описываемых событий. И потому каждый раз, когда Лёвка предлагал мне идти вместе с ним домой, я легко соглашался. Не знаю, почему Лисин не сигнализировал об этом Семёнычу, но мои пропуски лыж никого не интересовали. И вот на тебе!

Утром физрук выдал мне лыжи с полужёсткими креплениями и палками, после чего мы вышли на покрытый снегом лёд залива с труднопроизносимым названием Ляппярви. Учитель всем своим видом показывал, что в мыслях у него только одно: научить меня бегать на лыжах. Используя свои прекрасные беговые лыжи, он показал, как нужно бежать, как работать палками, как поворачивать, и потом попросил меня повторить. Убедившись после нескольких повторов, что я уже не падаю, он достал секундомер и одновременно с командой «Марш!» запустил его. Легко выйдя вперёд, он прокладывал мне лыжню, а я, стараясь изо всех сил не отставать, шёл следом. Физрук передвигался легко, совершенно не напрягаясь. Казалось, он летит над заснеженной равниной. Но равнина быстро закончилась, и лыжня пошла вверх. От моих неимоверных усилий по лицу и по всему телу ручьями тек пот. Он заливал глаза, и мне периодически, чтобы не потерять лыжню, приходилось протирать глаза руками. Лисин подбадривал меня незнакомыми мне словами. Наверное, это было что-то из лексикона алеутских каюров, погоняющих ездовых собак. Я старался как мог, но всё больше и больше отставал от учителя. Больше всего меня терзала одна мысль: когда же

мы повернём назад? Компас в моей голове показывал, что мы всё больше удаляемся от залива и школы. Под ложечкой стало колоть, а второе дыхание, о котором я когда-то слышал, всё не приходило. Но остановиться я не мог и продолжал двигаться вслед за увеличивающимся отрывом Лисиныным. Я завидовал Лёвке с его язвой, ненавидел себя за то, что пропускал занятия, и терпеливо ждал, когда же это всё закончится. Наконец мой ведущий повернул в обратном направлении. Забрехала надежда на скорое окончание моих мучений, да и лыжня пошла вниз, что позволяло немного передохнуть.

Оставалось не более километра, я уже видел крышу нашей школы, как вдруг появился допинг в виде большой, неистово лающей собаки с оскаленной пастью. Повинуясь природному охотничьему инстинкту, собака выбрала в качестве потенциальной жертвы меня. Ведь давно известно, что представители семейства псовых нападают в первую очередь на ослабленных и больных животных. С точки зрения злобного пса, я и был ослабленным и вполне годился на съедение. На моё счастье, собака была не на лыжах и её лапы вязли в глубоком снегу, мешая ей развить крейсерскую скорость. Плюс к этому собачка сумела наконец-то открыть у меня второе дыхание! И я прибавил в скорости настолько, что расстояние между мной и собакой оставалось постоянным. Бешеный лай наконец-то привлёк внимание Ильича, он остановился, пропуская меня вперед, а затем отогнал одичавшего пса.

И вот наконец долгожданный финиш!

«Для начала не так уж и плохо. Тройку я тебе в четверти поставлю, скажи об этом Ивану Семёновичу», – подвёл итог завершившемуся истязанию Владимир Ильич.

А в это время Лёвка с товарищами из окна гарнизонного Дома офицеров наблюдали мои мучения и упражнялись в остроумии по поводу продемонстрированной мною высокой спортивной подготовки.

Сам себе дирижёр

Недавно из музыкальной энциклопедии я узнал, что дирижирование является одним из сложнейших видов музыкального искусства. Дирижёр обеспечивает ансамблевую стройность и техническое совершенство исполнения. В основе исполнительского плана дирижёра лежит тщательное изучение и максимально точное, бережное воспроизведение текста авторской партитуры... Ну и так далее. А ведь в десятом классе мне казалось, что это так просто.

Весной 1966 года в Сортавальском районе проходила избирательная кампания по выбору народных

судей. И одним из кандидатов была Анна Григорьевна – мать Юрки Кожина.

Весь наш небольшой город был завешан портретами кандидата на переизбрание с лозунгами: «Голосуйте за Анну Григорьевну Кожину!» В погоне за голосами избирателей учащиеся нашей школы давали концерт художественной самодеятельности в посёлке Мелиоратор. Наше трио прибыло в небольшой поселковый клуб, до отказа забитый избирателями. Программа была построена таким образом, что мы стояли где-то в конце, а потому без дела слонялись за кулисами, пока младшие и средние школьники, сменяя друг друга, откалывали на сцене номера. И тут к нам подошёл парнишка из школьного духового оркестра и проникновенным голосом обратился с нижней просьбой: «Ребята! Наш дирижёр не пришёл, а мы без него не можем одновременно начать играть. Может, кто-то из вас выйдет на сцену и подаст сигнал руками, чтобы мы начали вместе, а там мы сами... У нас всего два марша».

С одной стороны, ребятам нужно было помочь, а с другой... Короче, все начали перепихивать дирижирование друг на друга. Я не отвечал ни за весь концерт в целом, ни за оркестр в частности, но как-то не хотелось, чтобы наша школа, которую я уже давно стал воспринимать как родную, опростоволосилась. Короче, когда все взоры устремились на меня – я согласился.

Многие современные концертные дирижёры дирижируют наизусть, без партитуры и пульта. Некоторые даже обходятся без такого обязательного атрибута, как дирижёрская палочка. А тогда, в середине шестидесятых годов прошлого века, это было в диковинку. И я могу гордиться, что в этом деле был одним из первопроходцев! Тем более, что я просто НЕ ЗНАЛ ни партитуры, ни музыкантов оркестра. Зато, прожив большую часть своей жизни в военных городках, я не однажды наблюдал на различных мероприятиях и воинских ритуалах, как дирижируют оркестрами военные дирижёры.

Пацаны полукругом расселись на стульях и напряжённо ждали сигнала. И тут на сцену уверенным шагом, стараясь не сутулиться, вышел я. Встав лицом к зрителям, я объявил имя композитора и название исполняемого произведения, после чего повернулся к оркестру. Ребятам внимательно следила за моими руками. Я поднял обе руки вверх, на уровень лица, и по этому сигналу музыканты поднесли к губам инструменты. Убедившись, что все готовы, я резко опустил руки, и оркестранты дружно начали играть. Играли они неплохо, каждый хорошо знал свою партию, а я, чтобы не стоять истуканом, взмахивал руками в такт марша. Затем, когда мелодия подошла к концу, я воспроизвёл движение, похожее на движе-

ния рук рефери на ринге, символизирующее нокаут. Пацаны одновременно прекратили дуть в трубы и бить в барабаны. Сделав несколько шагов в сторону, чтобы не закрывать музыкантов, подал им руками команду встать. И они встали. Я дал им знак поклониться – и они поклонились. Держа правую руку на сердце, поклонился и я. Зал бурно аплодировал, а мои соратники за кулисами с трудом сдерживались, чтобы не заржать во весь голос.

Насладившись своим дирижёрским успехом, я жестом показал, что оркестр может сесть, и объявил второй номер, который прошёл не менее успешно, чем первый. Вот так триумфально завершился мой дирижёрский дебют. Правда, в дальнейшем мой неожиданно открывшийся талант так и не был востребован. Впрочем, я об этом ничуть не жалею. Каждому своё!

История с географией, или Индийские мотивы

Географичка как предметник пребывала в школе в единственном лице и потому чувствовала себя незаменимой. Удивительно для учителя средней школы, но она не любила детей. И не просто не любила. Она их ненавидела. Ей, на мой взгляд, очень подошла бы работа в системе исполнения наказаний в качестве надзирателя, а не «сеять разумное, доброе, вечное» в обычной школе. Ученики отвечали ей взаимностью и наградили прозвищем Жаба.

Уже не молодая, не привлекательная внешне старая дева применяла довольно странную методику преподавания. Вызвав к доске ученика, она предлагала ему рассказать новый материал, который сама должна была объяснить нам на уроке. Целью этого, мягко говоря, оригинального методического приёма было желание показать нам всем, какие мы тупые и что только с её помощью мы способны получить определённый объём знаний по предмету.

В тот злополучный день, завершив опрос, она вызвала к доске Кожу. «Расскажи-ка нам, Юра, что ты знаешь об Индии».

Надо сказать, что Юрка был очень начитан, причём его интересовало множество различных тем. Он обладал феноменальной памятью, особенно ему удавалось точно запоминать цифры. А прочитав что-то, он мог воспроизвести прочитанное почти дословно. Сонеты Шекспира (а их 154!) Юрка знал наизусть и в двух переводах: Пастернака и Маршака! «Старика Хоттабыча» Кожа тоже читал. И помнил. А потому вдруг решил приколоться: «Индия расположена на самом краю земного диска, который покоится на трёх слонах, стоящих на трёх китах. В Индии живут плешивые люди...»

Жаба не была бы Жабой, если бы просто рассме-

ялась вместе с классом и, посадив Юрку на место, начала бы объяснять новый материал. Но она командовала: «Кожин! Выйди вон из класса!» Юрка молча покинул класс. И тогда поднялся я и задал географичке вопрос: «За что вы удалили Кожина? Он ведь не обязан знать новый материал. Может, у него такие древние представления об Индии». – «Бузик, ты тоже вон из класса!» Я подчинился.

По окончании уроков в классе появился Иван Семёнович с каменным лицом, что не предвещало ничего хорошего. Он сказал, чтобы мы с Юркой следовали за ним, и привел нас в учительскую, где уже находились ряд учителей и наши родители: Анна Григорьевна и мой папа. Это мероприятие называлось малым педсоветом. Суло Абрамович Тойкка, директор школы, предоставил слово географичке. Захлёбываясь слюной от негодования, Жабба начала плести о нас такое!.. Не знаю, как у Юрки, а у меня была лишь одна мысль: «Только бы не расстреляли». На условный срок я уже даже не рассчитывал.

Эстафету перехватила химичка и стала обвинять меня чуть ли не в разврате. Дескать, когда мы занимались в кабинете химии, она попросила, чтобы мы не прикасались к стенгазете, которую выпустили её девочки, а я, мол, на эту просьбу цинично рассмеялся и сказал: «Ха! Девочки! Да это уже целые женщины!» Я хорошо помнил этот эпизод, так же, как и то, что «цинично» смеялся и обзывал девочек женщинами Толя Хусу (в миру – Хусик), а я, как говорится, и рядом не стоял. В том смысле, что не сидел. Потому я заявил, что таких слов не произносил, их сказал кто-то другой. «А кто? – взвилась химичка. – Я хорошо помню, что это ты сказал!» – «Не помню, кто сказал, я на такую ерунду внимания не обратил. Мало ли кто и что говорит. Знаю точно, что я этого не говорил». Неожиданно, в первую очередь для меня, в разговор вмешался мой молчаливый до того папа: «Я вас не понимаю. Зачем вы акцентируете внимание на этой теме? И так уж это и важно, кто это сказал? Ребята, в отличие от вас, ещё не понимают разницу между девочкой и женщиной, а вы разжигаете у них к этому деликатному вопросу интерес. Вы же учитель, педагог! Если вас эта фраза возмутила, то почему вы не подняли этот вопрос перед классным руководителем сразу же, а молчали несколько недель, а теперь раздуваете из мухи слона». Химичка промолчала, и данная тема угасла. Скажу честно, я такого выступления от папы не ожидал! Завершив наш допрос и попросив удалиться, педсовет продолжил за закрытыми дверями.

А через пару дней Семёныч довел до нас решение педсовета. Жабба выдвинула ультиматум: либо нас отчисляют из школы, либо она увольняется с работы. Компромисс всё же был найден. Мы с Юркой до

конца школы не будем посещать Жаббы уроки, а географию изучим самостоятельно, экстерном. В результате до выпуска мы на географию не ходили, а в аттестат нам выставили по тройке. Так мы с Юркой и не узнали, что же это за удивительная страна такая – Индия... А жаль.

Слепая материнская любовь

Однажды по-летнему тёплым майским днём мы с Юркой отправились в городской парк. И не только погулять, но и потренировать Юркин вестибулярный аппарат путём совершения вращательных движений в двух плоскостях одновременно на спортивном тренажёре, называемом лопингом. Уж больно Юрка был охоч до этого снаряда. В мои же функции ассистента входило привязать верхние и нижние конечности будущего лётчика к снаряду спецремнями, придать первоначальное ускорение и, в случае чего, вызвать скорую помощь.

Выйдя на улицу Ленина, мы одновременно закурили. Курение к концу десятого класса из обычного для подростков баловства уже переросло у нас во вредную стойкую привычку. Мирно беседуя, мы не спеша шли по правой стороне улицы к парку и вовремя не заметили приближающуюся опасность. А опасность исходила от чинно двигавшейся по противоположной стороне навстречу нам супружеской четы Кожиных – Анны Григорьевны и Павла Васильевича. Мы обратили на них внимание только тогда, когда прозвучал зычный голос Павла Васильевича: «Юра, иди сюда!» Услышав строгий родной голос, Юрка избавился от сигареты быстрее молнии. Пока я соображал, что к чему, Юрка уже завершал переход улицы, носящей имя вождя мирового пролетариата. Меня никто не звал, и я, оставаясь на противоположной стороне, спокойно продолжал курить. «Дай закурить!» – чётко произнёс Павел Васильевич и, услышав в ответ лепет сына: «Я не курю», вновь повторил свое требование: «Дай закурить!» Тогда Юра сказал, что у него нет сигарет.

В это время я, спокойно докурив сигарету и выбросив окурочек, подошел к Юре и, вежливо поздоровавшись с его родителями, встал с ним рядом. С моим появлением в разговор вмешалась Анна Григорьевна. Она была милейшим человеком. Интеллигентная, умная, добрая. В своём уже взрослом будущем, изредка бывая в Сортавале, я всегда заходил к ней, пока она была жива, и мы по несколько часов проводили с ней время в интереснейших беседах.

Итак, с моим появлением слово взяла Анна Григорьевна: «Как тебе не стыдно! Брал бы пример с Миши. Вот он идёт рядом с тобой и не курит. Почему тебя всегда тянет на что-то плохое?» Добавить

было нечего. А ведь я вовсе не прятал сигарету в рукав, спокойно докуривая её на противоположной стороне, но это осталось вне поля зрения матери. Её материнское внимание было целиком сосредоточено только на родном сыне, а его друг, то есть я, просто выпал из поля зрения. Оказался в «мёртвой», не просматриваемой матерью зоне. Далее, посмотрев на часы, слово вернул себе Павел Васильевич: «Через десять минут ты должен быть дома, и пусть Лиля засечёт время, когда ты пришёл. Из дома – ни шагу!» На этом наша прогулка была завершена. По кратчайшей дороге, ускоренным шагом, мы пришли к Юркиному дому и попрощались до следующего дня. А Юркин вестибулярный аппарат так и остался в тот день нетренированным.

Последнее выступление

Подсчитано совершенно точно, что всего за десятый класс нашим инструментальным трио было дано 22 выступления. Больше половины из них составляли школьные вечера. В школе был установлен порядок, при котором каждый старший класс готовил тематический вечер к какой-либо дате. Этими датами, помимо государственных праздников, являлись и дни рождения поэтов, писателей и других известных в стране и за её пределами достойных людей.

Любой вечер заканчивался танцами. Поскольку наше трио было единственным в школе, а пригласить эстрадный оркестр наших шефов из пограничного отряда удавалось не всегда и не всем, то организаторы вечеров часто обращались к нам с просьбой поиграть на их мероприятии в порядке дружеской помощи. И мы никому не отказывали. Нам нравилось играть! Правда, сами мы почти не танцевали, за исключением небольших перерывов, когда Злобин включал магнитофонные записи. В период «битвы за Москву» наше участие в проведении «чужих» вечеров давало классу дополнительные баллы. Кроме того, мы выступали в концертах художественной самодеятельности на торжественных вечерах, проводимых в Доме офицеров к особым датам. Хорошо помню, как во время исполнения Юрой Степановым песни Джордже Марьяновича «Баллада об отце» сидящие в зале на праздничном концерте в честь Дня Победы ветераны войны не стесняясь плакали. И эту популярную тогда песню мы исполняли для них «на бис».

О двух выступлениях в Москве, как и о выступлениях в клубе ММС, я упоминал выше. Все наши выступления через пятьдесят лет после окончания школы вспомнить трудно. Но то, что их было ровно 22, не преувеличение, так как цифра эта хранится в памяти

со школы не только у меня, но и у нашего бессменного руководителя, аранжировщика, композитора и замечательного баяниста Лёвушки Гольденберга. Все наши выступления, кроме последнего, принесли нам моральное удовлетворение и удовлетворение жажды творчества. Кроме последнего, двадцать второго, о котором я и хочу поведать.

В 1965 году в нашем славном городе открылась ещё одна школа – №6. И в этой молодой тогда школе случился первый выпуск – восьмых классов. Восьмиклассники тоже любили «живую» музыку, и руководство школы пошло им в этом навстречу. Поскольку и пограничники, и эстрадный ансамбль мотострелковой дивизии были заняты (может быть, уже «халтурили» в других школах), то вопрос, что называется, повис в воздухе.

А в этой школе работала библиотекарем мама Лёвушки, Анна Исааковна, которая добровольно стала нашим продюсером. Анна Исааковна как бы невзначай довела до сведения заинтересованных в «живой» музыке лиц, что, мол, в 1-й школе есть небольшой ансамбль, который с успехом выступал даже в Москве. И она могла бы попытаться уговорить ребят выступить на выпускном, невзирая на продолжающиеся у этих «молодых артистов» государственные экзамены. Только их нужно немножечко заинтересовать. На «заинтересовать» администрация школы отреагировала с пониманием и пообещала каждому члену ансамбля по 10 рублей советских денег наличными по окончании выступления.

В указанное время группа исполнителей из пяти человек прибыла в школу и приступила к работе. Мы играли и пели весь вечер, с небольшими перерывами, в ходе которых выходили покурить. Счастливые выпускники подходили к нам, благодарили за выступление. И не только на словах, но и на деле. Во втором перерыве нас жестами позвали в какой-то закуток, где щедро угостили вином и бутербродами. Выступать в лёгком подпитии нам рекомендовал Лёвушка, которого приучили к этому вполне взрослые дяди ещё тогда, когда он играл в городском ансамбле баянистов. Искусство требует жертв.

В СССР было не принято обманывать детей. Поэтому после выступления мы получили новенькие, хрустящие десятки. Каждому по одной. Это был первый такой большой заработок в нашей жизни.

Выпускной

К выпускному вечеру в нашей школе мы готовились заранее. Нет, мы не думали о новом костюме или модных полуботинках. Мы были выше этого. Правда, с учётом того, что мой единственный чёрный костюм покупался к окончанию восьмого клас-

са, родители намеревались сшить мне новый костюм, для чего планировалось переокрасить в радикальный чёрный цвет папин отрез на китель и брюки. Учитывая, что за два года я практически не вырос, а костюм не успел существенно износиться, я отказался. Папа в то время был майором, мама, получая небольшую зарплату, работала на почте, где я её периодически посещал и учился печатать на пишущей машинке. Так что семья наша жила достаточно скромно, и бананы у нас с Танькой из ушей не торчали. Исходя из этих соображений, я предложил мне костюм не шить, так как если я поступлю в военное училище, то на ближайшие три года костюм мне будет не нужен. А если не поступлю, то пойду работать и смогу сам заработать на костюм. Лучше, посчитал я, купите Татьяне, девочка, как-никак, ей нарядное платье нужнее. С моей точкой зрения согласились.

Заработанные честным трудом деньги мы отложили на выпускной, который ждали с нетерпением. Прошли последние экзамены, и мы, приодевшись во всё лучшее, пусть и не новое, с сумкой, где лежало несколько бутылок хорошего и по такому случаю дорогого болгарского вина, в последний раз пришли в школу. Для сохранности сумку с вином сдали уже упоминавшейся выше Наде Капустиной из лаборатории физики.

Прошла официальная акция с яркими и содержательными выступлениями ряда уважаемых должностных лиц, которые от имени и по поручению, и от себя лично наговорили нам массу пожеланий и напутствий. Завершилась официальная часть вручением аттестатов о полном среднем образовании. Потом были танцы, играла музыка, но мою жизнь в искусстве уже завершили и потому отдыхали, как и все остальные выпускники. По хорошей русской традиции, всякое жизненно важное событие полагалось отметить, для чего и было припасено вино. Однако вина у Капустиной не оказалось. «Кто-то украл», – констатировала она, бесстыже глядя нам в глаза. Разочарованные и кристально трезвые, мы уныло потянулись к выходу.

Где-то на лестнице меня перехватил отец нашей одноклассницы Зои Мачневой, который уже стал бывшим председателем родительского комитета класса: «Миша, пойдём со мной». Я, решив, что ему требуется какая-то помощь, послушно пошёл за ним, и мы оказались в классе, где уже завершилось празднование наших родителей. Класс был пуст, но на столах осталось много недопитого и недоеденного. Я понял, что тов. Мачневу хотелось ещё добавить, но он был глубоко порядочным человеком и потому не мог пить один. Я должен был составить ему компанию. Налив мне и себе водки, он душевно произнёс тост, и мы, чокнувшись, выппи-

ли. Потом ещё раз. И ещё. Потом я, несмотря на то, что тостов у экс-председателя припасено было ещё на несколько выпускных, сказал, что мне уже хватит. На этом мы обнялись и расстались.

Внизу меня ждали трезвые и потому злые Лёвка и Юрка. Я им объяснил причину задержки. Они меня поняли и простили.

Потом мы втроём гуляли всю ночь напролёт. Я только заглянул домой за гитарой. Это была ночь, когда мы должны были проститься с Лёвушкой. Утром 3 июля он покидал Сортавалу навсегда. Его отец уже несколько месяцев находился в Петрозаводске, куда был переведён по службе и где ему была предоставлена квартира. Ждали только момента, когда старший сын получит аттестат. Вот и дождались.

Перед посадкой в поезд мы крепко обнялись. Лёвушка даже немножко всплакнул, он всегда был сентиментальным. Да и у нас с Юркой глаза были на мокром месте. Было ужасно грустно и оттого, что мы расставались, и оттого, что закончилась школа, а вместе с её окончанием закончилось и наше радостное, беспечное и беззаботное детство.

Впереди ждала манящая и вместе с тем страшная своей неизвестностью взрослая жизнь.

Долгое прощание

Мы крепко сдружились за два года учёбы в школе. Расставаться было очень тяжело. Могли ли мы вместе поступать в какой-нибудь один вуз? Наверное, могли бы. Теоретически. Но для этого кто-то должен был отказаться от своих жизненных планов, от своего призвания и пойти вслед за другом туда, куда его совсем не тянуло. Лёвка не мог стать военным. Ни лётчиком, ни артиллеристом – из-за язвы желудка. Я не мог стать лётчиком из-за зрения (один глаз у меня был в то время 0,8, а требовалась «единица» на оба глаза). А становиться врачами у нас с Юркой не было никакого желания, с таким настроением в медицине от нас было бы вреда больше, чем пользы. Однако самым главным было всё-таки то, что у каждого из нас были свои устремления. И мы, подчиняясь этим устремлениям, покинули Сортавалу и разъехались в разные стороны. Тогда, 50 лет тому назад, нам казалось, что это навсегда.

В начале августа 1966 года завершились проводившиеся в учебном центре училища, что под Лугой, вступительные экзамены, и на мандатной комиссии мне объявили о зачислении на первый курс. Уже к вечеру нас коротко остригли, помыли в бане и переодели в тщательно выстиранное, отремонтированное, но старое обмундирование. Зато курсантские погоны выдали новенькие. Я ликовавал – моя заветная мечта исполнилась!

Начались суровые будни. Погода изобиловала дождями, старые сапоги протекали, отчего в кровь стиравшие ноги портянки были постоянно мокрые. Правда, стало заметно меньше комаров – наверное, потянулись в жаркие страны. Кормили нас регулярно, питательно, но невкусно. После завтрака мы по шесть часов проводили в поле на занятиях, проходя так называемый «курс молодого бойца». Ликование в душе плавно переросло в уныние.

Не подумайте только, что воскресенье у нас был выходной. В воскресенье не было физзарядки и занятий, но была работа. После завтрака первокурсники направлялись на строительство топографического полигона. Работа была предельно проста: выносить с просеки стволы спиленных деревьев и грузить их на лесовозы. Естественно, на своих плечах и по щиколотку в воде.

В один из редких перерывов я устроился на пенёчке и, закулив сигарету, предался отдыху. Ветер дул со стороны палаточного лагеря и хорошо было слышно музыку, которую транслировали по натканным вдоль передней линейки громкоговорителям. И вдруг до моего слуха донёсся голос Лидии Клемент, которая пела «Карелию»: «Долго будет Карелия снится, будут снится с этих пор...» Эта песня всколыхнула в душе воспоминания о доме, родителях, о школьных друзьях. По щекам невольно потекли слезы. Смертельно захотелось домой, в уютную Сортавалу, где в квартире тепло и сухо, где мама готовит вкусненькое на обед, где не нужно одеваться за 45 секунд и, задыхаясь, бегать по утрам на длинные дистанции в мокрых портянках и дырявых сапогах.

К тому моменту человека три с нашего взвода уже разочаровались в профессии офицера и уехали домой. Никто и не удерживал. Выживали сильнейшие, а в училище, как говорил нам командир взвода, должны были остаться «твёрдые искровцы». И в душу мою закралась, заползла мерзкой и скользкой змеей мыслишка: «Может, тоже написать рапорт? Уже вечером буду в Ленинграде, а на следующий день – в Сортавале. Может, ну её к черту, эту армию, с её суровыми порядками и грубыми командирами? И на «гражданке» люди живут».

И тут ясно и отчётливо я представил себе картину, как в старом, застиранном х/б без погон я пробираюсь к дому. Как встречаю по дороге кого-нибудь из одноклассников и как объясняюсь, почему вернулся домой. И все будут говорить: «Мишка Бузик – слабак и трепач! Все его прежние разговоры об армии, об училище, как и курсантские песни под гитару, – пустая болтовня. Поступил в училище, но, испугавшись первых же трудностей, сбежал».

Мне стало стыдно за свою минутную слабость.

Бросив в песок и растоптав каблук сапога окурки, я вернулся на просеку таскать брёвна.

Впереди меня ждало ещё много трудностей. Караулы, суточные наряды, наряды на работу, разгрузка картофеля на овощебазе, изнурительные легкоатлетические и лыжные кроссы, маршброски и тренировки к параду и многое другое. Но никогда больше меня не посещала мысль уйти из училища. Спасибо моим дорогим одноклассникам за то, что их гипотетическое осуждение уберегло меня тогда от опрометчивого шага.

Жизнь показала, что в выборе профессии никто из нас троих не ошибся.

Юрий Кожин успешно окончил Тамбовское высшее военное авиационное училище лётчиков имени Марины Расковой, стал прекрасным военным лётчиком, о котором сослуживцы говорили: «лётчик божьей милостью». В 1983 году с отличием окончил командный факультет Военно-воздушной академии имени Ю. А. Гагарина. Много лет успешно командовал полком, выполняя ответственные учебно-боевые задания командования, за что был награжден орденом Красной Звезды. В 1991 году приказом министра обороны СССР Юрию Кожину была присвоена высшая для военного лётчика квалификация «Лётчик-снайпер».

В 1992 году полковник Кожин отказался принимать присягу на верность Украине, где его застал развал СССР. В обмен на благоустроенную, с мягким климатом Украину он получил назначение на Мыс Шмидта Чукотского автономного округа Магаданской области. На должность командира базы ВВС РФ. Военную службу он закончил в звании полковника, занимая должность начальника штаба – заместителя командующего группировкой Военно-воздушных сил РФ в Арктике. В пгт Тикси, Республика Саха (Якутия).

Лев Гольденберг, успешно окончив медицинский факультет Петрозаводского государственного факультета, стал замечательным врачом-терапевтом. Пройдя различные медицинские должности в карельской глубинке, вплоть до главного врача поселковой больницы в посёлке Спасская Губа, должность участкового врача в Ленинграде, он стал заместителем главного врача поликлиники по экспертизе. Лёвушка прекрасный диагност! Отменное знание профессии позволяет ему ставить правильный диагноз по признакам, которые не замечают многие его коллеги. Но лучше всего о результатах его работы говорят люди, которые у него лечились. Несмотря на то что с 2010 года он не работает, к нему на улице подходят люди и с радостными лицами рассказывают о своих делах и благодарят за

избавление от недугов. Уверен, что к плохому врачу никто и никогда не подойдёт.

Лёва на всю жизнь сохранил оптимизм, деликатность, великолепное, искромётное чувство юмора, любовь и уважение к окружающим его людям. Он пишет замечательные стихи и эпиграммы (некоторые даже опубликованы), принимает участие в поэтических конкурсах, где неоднократно становился победителем и удостоивался ценных призов.

Моя жизнь в избранной с юных лет профессии военного сложилась следующим образом. Окончив в 1969 году Ленинградское артиллерийское ордена Ленина Краснознамённое училище имени Красного Октября, я одиннадцать лет проходил службу на различных командно-штабных должностях в войсках, пройдя путь от командира огневого взвода до командира дивизиона реактивных систем залпового огня «Ураган». В 1983 году окончил с отличием командный факультет Военной артиллерийской ордена Ленина Краснознамённой академии имени М. И. Калинина, после чего продолжил учёбу в адъюнктуре. По окончании адъюнктуры успешно защитил кандидатскую диссертацию. Преподавал в академии, в 1991 году получил учёное звание «доцент». Военную службу закончил в воинском звании полковник и в должности начальника командно-инженерного факультета академии.

И все эти годы мы, школьные друзья, продолжали дружить и встречаться. Когда обзавелись семьями – встречались и семьями. За десятилетия службы и работы у каждого из нас появилось много товарищей и друзей из числа однокурсников, сослуживцев, соседей и прочих встретившихся на жизненном пути категорий граждан. Но школьная дружба была, для меня во всяком случае, приоритетной. Это потому,

что школьная дружба – самая чистая, самая искренняя! Она лишена меркантильности, расчета с какой-либо стороны. Мы сохранили в нашей дружбе ту непосредственность, которая была присуща нам в годы юности. Может быть, поэтому, когда мы снова и снова встречались, то вновь превращались в тех легкомысленных больших детей, которыми много лет назад были в старших классах школы.

Последний раз мы все трое встречались в первых числах августа 2008 года в Сортавале. И на этот раз нам удалось попасть в родную 1-ю среднюю школу.

P.S. Я очень благодарен судьбе за то, что она занесла меня в своё время в Сортавалу, о существовании которой до ноября 1964 года я даже не подозревал. За то, что я обрёл там своих самых лучших, самых замечательных, самых верных и преданных друзей. Настоящих друзей. На всю жизнь. И за других одноклассников своих, умных и не очень, открытых, коммуникабельных или скромных, застенчивых, отличников и троечников – и в школе и по жизни, веселых и грустных – всяких! – я благодарен судьбе и этому городу. И нашей средней школе № 1 г. Сортавалы.

Впервые за пятьдесят лет после окончания школы мы встретились вновь нашим классом в этом прекрасном городе 25 июня 2016 года, те, кого удалось разыскать – так сказать, остатки былой роскоши. Ряды наши, конечно, поредели – не все дожили до этого дня, мы не помолодели, но, несмотря на морщины и лишние килограммы, несмотря на седины и зубные протезы – мы ещё живы! И есть ещё порох в пороховницах!

□

Михаил Юрьевич БУЗИК

родился в 1949 г. на Камчатке в семье потомственного военного.

После окончания Ленинградского артиллерийского училища служил на командно-штабных должностях в войсках ГСВГ.

В 1980 году поступил на командный факультет Военной артиллерийской ордена Ленина Краснознамённой академии, после окончания которой с отличием был зачислен в адъюнктуру, преподавал, был начальником командно-инженерного факультета академии.

Кандидат военных наук, доцент, полковник.

После увольнения в запас работал в вузах Санкт-Петербурга на педагогических и руководящих должностях.

Живёт в Санкт-Петербурге.

В журнале «Север» публикуется впервые.

